

ВИТАЛИЙ ВАВИКИН

ДЕМОН

КНИГА ПЕРВАЯ

**МИСТИКА
КОРРОР**

Annotation

Ангелы, демоны, асоли, траджи и бульвайки – все это человеческие пороки, которые преследуют нас ночью и днем. Их мир не виден нам, но он так же реален, как и наш. Он здесь, он рядом. А эти существа... Они стоят у нас за плечом, трутся похотливо о наши ноги, нашептывают на ухо свои каверзные планы... Главная героиня пытается противостоять им. Но бороться с собственным демоном не так просто, особенно когда судьба сводит ее с молодым таинственным иностранцем, погрязшем в интригах и пороке.

За четверть века, что описана в романе, перед нами открывается галерея демонов или ангелов. Одни герои могут их одолеть, другие становятся их марионетками и служат невидимым кукловодам мира теней всю свою жизнь.

Виталий Вавикин

Демон. Книга первая

Любовь не спасет нас от нашей судьбы.

Джим Моррисон

Вместо пролога

Демон с опаской оглядывался по сторонам. Он столько лет прожил на земле, неужели именно сегодня ему было суждено снова отправиться в преисподнюю? Где-то рядом в песочнице играли дети. Нет, только не сегодня! Он должен спастись. За спиной послышались приближающиеся шаги. Не рискнув обернуться, демон побежал через парк.

– Куда он делся? – завопил мужчина в строгом черном костюме.

Толстая женщина в лохмотьях, которую мужчина тащил за собой, крепко держа за руку, переводя дыхание указала на плотно растущие лиственные деревья.

– Ульяна! – продолжая бежать, демон позволил себе поток нелюбезных высказываний в адрес этой женщины.

Ох уж эти люди! Никогда не знаешь, что они предпримут в следующую минуту. Еще каких-то тридцать лет назад она с трепетом отдавалась ему, а сегодня, когда он слаб как никогда, повернулась спиной. Нужно было убить ее еще тогда, но нет. Он же был игроком! Ему нравился риск. Юное тело манило предвкушением, обещая запретные забавы. Она готова была стерпеть все, лишь бы сбылось ее похотливое желание. Сколько шрамов он оставил на ее теле, сколько боли причинил ей! Но теперь игры кончились. Людской век слишком недолог, чтобы позволить им мыслить масштабно. Они даже Бога умудрились обвинить в создании этого несовершенного мира, чтобы снять со своих плеч груз ответственности. Вот и Ульяна, наигравшись вдоволь, почувствовала старость и решила искупить свою вину.

Демон перемахнул через небольшой фонтан, окатив собравшихся вокруг него людей снопом сверкающих на солнце брызг.

Глупая женщина! Она боится ада, но ад нужно еще заслужить...

Мужчина в черном костюме остановился возле фонтана. Недовольные люди, возмущались по поводу необъяснимого всплеска. Здесь парк заканчивался. Его территория была четко определена изгородью из аккуратно постриженного густого кустарника.

– Он побежал туда! – толстая женщина, борясь с одышкой, указала дрожащей рукой на эту изгородь.

Не отпуская ее, мужчина в костюме начал прокладывать себе дорогу через кустарник, топча и ломая его. Люди возле фонтана недовольно заворчали. Одна из веток хлестнула Ульяну по щеке, рассекая кожу. Вспышка боли напомнила ей о былых временах. Некогда стройное тело моментально отозвалось будоражащей сознание волной воспоминаний. Оно застонало, умоляя получить новую порцию боли. Ульяна подалась в сторону, позволяя колючим веткам расцарапать ей плечо. О, да! Этот демон был просто пропитан сладострастной болью. Даже сейчас, он все еще имел власть над ней. Каждый его шаг, каждое движение приносили желанные страдания. Теряя над собой контроль, Ульяна заметила среди кустарника натянутую колючую проволоку. Кусочки кожи с ее бедра покорно повисли на ржавых иголках. Вытекшая из разодранной раны кровь обожгла кожу. Вспыхнувшее внутри пламя, застлало глаза.

Продравшись сквозь живую изгородь, мужчина в костюме сильно дернул жирную женщину, увлекая за собой, едва не сломав ей руку. Новая боль заставила открыть глаза. Это было совсем не то, к чему приучил ее демон. Только он знал, как заставить страдать и желать, чтобы эти страдания не прекращались. Ульяна с ненавистью посмотрела на

причинившего ей боль человека. Он не обратил внимания на этот взгляд. Все его внимание приковали хаотично разбросанные могильные кресты.

– Это что, кладбище? – растерянно спросил он. – Кладбище рядом с городским парком?

Ульяна была поражена не меньше его. Какую игру на этот раз придумал демон? Если это часть его плана, то она сильно недооценила его, если, конечно, провидение не властно и над исчадиями ада. Мужчина в костюме снова с силой потянул ее за руку, на этот раз Ульяна попыталась вырваться.

– Ну уж нет! Сегодня ты дойдешь до конца, – прохрипел мужчина.

Если демон и мог укрыться здесь, то, кроме старой часовни в изголовье разбросанных могил, ему оставались лишь фамильные склепы, наследники которых давно забыли об их существовании. Здесь, среди запахов разложившейся плоти, пыли и остановившегося времени мало кто будет чувствовать себя в безопасности, даже для демона это место забытой скорби покажется чужим.

– Где твой демон, ведьма? – Глаза мужчины в черном костюме вспыхнули гневом, когда Ульяна не ответила ему. – Говори!

Она молчала, лишь направленный на часовню взгляд выдавал ход ее мыслей. Ульяна снова ощутила жгучую боль в руке, за которую ее тянул мужчина в черном костюме. Потрескавшийся камень широких ступеней больно врезался в кожу, когда, споткнувшись об одну из них, она упала. Не обращая на это внимания, мужчина в костюме продолжал тянуть ее за собой, оставляя на поеденном временем камне шлейф алой крови.

Демон жадно втянул застоявшийся воздух. Он все еще помнил, как пахнет боль Ульяны. Запах ее крови невозможно было спутать. Такая теплая, такая непокорная... И почему людям позволено чувствовать так много, а демоны обречены на эти крохи? Может быть, за многообразие чувств человек и был лишен вечности, а им, демонам, было позволено накапливать опыт, приумножая его, вступая на дорогу длительных отношений с этими короткоживущими созданиями...

Демон понял, что дни его сочтены. Только чудо может помочь ему выйти из этой часовни.

Мужчина в костюме хищно озирался по сторонам. Осторожно ступая по запыленному полу, он продвигался вперед. Он знал, что демон где-то рядом, чувствовал его похотливое дыхание. Здесь, в этих стенах были только он и это исчадие ада...

Приближался момент истины...

Тридцатью годами ранее.

В помещении, лишенном окон, было слишком темно, чтобы доверять своим глазам. В тяжелом застоявшемся воздухе витал запах параши и страха. В давящей на уши тишине было слышно, как кто-то проходит по коридору, да изредка открываются железные двери, такие же, как и та, что вела сюда, которая вскоре тоже должна будет открыться.

Судья шла по узкому коридору, зная, что нет лучшего места для того, чтобы сломать человека. Нужно загнать его в угол, свести с ума чувством безысходности, а затем добить, поместив сюда. Здесь ломались и более сильные, чем этот.

Судья остановилась возле железной двери. Сопровождавший ее охранник суетливо зазвенел ключами. Судья неодобрительно взглянула на его дрожащие руки. Чего он боялся? Этого места или же ее?

– Ты можешь идти, – сухо бросила она, испытывая отвращение к этому жалкому человеку в форме.

Он замялся, не решаясь оставить ее одну.

– Я сказала, ты можешь идти.

– Я буду в конце коридора, – выдавил из себя охранник.

– Мне все равно, где ты будешь.

Судья дождалась, когда он уйдет, и вошла в камеру.

– Здравствуй, Лесков, – сказала она заключенному.

Он неподвижно стоял в глубине камеры. Подавленный, сломленный, униженный – так, по крайней мере, хотелось думать судье.

– Ты проиграл, Лесков, – сказала она, упиваясь своим могуществом.

Как же ей хотелось, заставить его встать на колени, умолять, целовать ее ноги, а она прижала бы его голову к земле, втирая в его небритую щеку прилипшее к подошве сапога дерьмо. Но он не падал на колени, не умолял, он просто стоял, путая ее планы и заставляя гордиться его стойкостью.

– Ты ничтожество, Лесков, – сказала судья не столько ему, сколько самой себе. – Я сломала тебя, Лесков. – Забыв об опасности, она подошла к заключенному почти вплотную, чтобы он мог чувствовать, вдыхать ее запах. – Скажи мне, Лесков, ты еще помнишь, как пахнет свобода? – спросила судья, подходя ближе. – А величие? Ты чувствуешь мой запах? – прошептала она ему на ухо. – Надеюсь, ты еще не забыл его, Лесков. – Ее губы почти касались его шеи. Губы, которые произносили его имя так, словно это было ругательство. – Скажи мне, Лесков, каково это – стоять здесь, чувствовать мое дыхание, мою близость, вдыхать мой запах... А, Лесков? – Она с трудом поборолла желание прикоснуться к нему рукой. – Теперь ты мой, Лесков. – Кончики ее пальцев скользнули по его одежде. – Только мой. – Едва различимый стон вырвался между ее губ. – Но знаешь что, Лесков? – Она отпрянула от него, старательно ища встречи с его взглядом и все еще тяжело дыша. – Ты мне больше не нужен, Лесков. Ты бесполезен. – Не желая смотреть на него снизу вверх, она сделала шаг назад. – Ты проиграл, Лесков, – ее голос стал неожиданно жестким. Она медленно отступала назад к двери, испытывая его терпение. – Ты ничтожен, Лесков. Ты... – судья замолчала. На какое-то мгновение ей показалось, что позади нее кто-то стоит.

– Считай это моим подарком тебе, Кира, – услышала она сухой голос Лескова.

Сверлящий затылок взгляд стал невыносим. Стараясь сохранить самообладание, судья медленно обернулась. Позади никого не было. Лившийся из коридора свет дрожал. Оставленный без внимания Лесков был молчалив и неподвижен, как и прежде.

– Ты мне противен, – сказала ему судья, пытаясь унять разыгравшееся воображение. – Я сломала тебя, ты просто боишься это признать. Я... – она вздрогнула и снова обернулась.

В камере определенно был кто-то еще, кто-то третий, кого она не могла видеть.

– Что за... – судья бросила на Лескова растерянный взгляд.

На его лица была улыбка – первая за несколько месяцев. Но в этой улыбке не было света, добра, лишь только холод, месть.

Демон, преследовавший судью, позволил ей почувствовать свое дыхание – теплое, липкое, похотливое. «Да что же это такое?!» – едва не закричала она. Мрак камеры сгустился. Сгустились даже запахи. Бежать! Судья выскочила в коридор, на свет, надеясь, что здесь наваждение пройдет, но демон не собирался покидать ее.

Спотыкаясь и не переставая оглядываться, она прошла мимо охранника, даже не заметив его. «Наверх, на воздух, туда, где есть солнце и свет», – говорила себе судья, взбегая по железной лестнице...

Дождавшись, когда она уйдет, охранник с опаской выглянул в коридор. Тишина. Лишь только дверь в камеру открыта настежь. Сняв с пояса дубинку, он осторожно приблизился к ней. Лесков неподвижно стоял в глубине камеры. Теперь ему оставалось только ждать.

* * *

Демон не уходил, не покидал судью. Когда-то он уже сломал Лескова, заставив играть по своим правилам, теперь эта участь ждала Киру Демидовну Джанибекову.

– Кто ты? Чего тебе нужно? – шептала она, а затем в бессилии бросалась на стены. – Что со мной происходит?!

Ей казалось, что она сходит с ума. Кто-то наблюдал за ней, преследовал. Невидимый, незримый. Кто-то слышал каждое ее слово, видел каждый ее шаг.

– Оставь меня! Прошу, оставь, – взывала она к своему преследователю.

Но демон был неумолим. Он смотрел на нее, оценивал. Там, в темной камере, Петр Лесков поведал ему много историй об этой женщине. Но Лесков не знал и половины, не видел того, что видит демон. Видит внутри человека. И Кира Джанибекова, судья... Демон знал, что рано или поздно она станет безвольной марионеткой в его руках. С ней они сыграют не одну роль, дадут не одно представление. Незъяснимый театр жизни пополнится новой куклой. Еще одна сложная жизнь, еще один персонаж...

– Не могу так больше, – тихо сказала судья.

Она не сдалась, нет. Она готова была бороться. Но как бороться с тем, кого не видишь, кто всегда рядом, наблюдает за тобой даже в туалете?

– Чертов извращенец! – прошептала судья, чувствуя, как начинает задыхаться от бессильного гнева.

Она сорвала с себя одежду и вышла на центр комнаты.

– Ты этого хочешь, да? – спросила она. – На, смотри, сколько влезет!

Но гнев прошел. Остался лишь стыд, словно тысячи глаз циничной толпы смотрят на нее с осуждением. И от этого не сбежать. Нет. Эти глаза будут преследовать ее всю жизнь.

Судья упала на колени и заплакала: громко, надрывно. Ее сын заглянул в комнату. Он хотел спросить, все ли с ней в порядке, но запнулся на полуслове.

– Пошел вон! – заорала она, стыдливо прикрывая свою наготу.

Он спешно захлопнул дверь.

– Я просто хотел спросить, могу ли я сегодня взять машину?

– Нет, не можешь!

– Почему?

– Потому что НЕ МОЖЕШЬ! – голос судьи сорвался, и она зашлась кашлем, затем сжалась, съежилась, снова заплакала, но уже беззвучно, лишь вздрагивая всем телом и жадно хватая открытым ртом воздух.

Неужели этот кошмар никогда не закончится? Неужели безумие навсегда останется с ней? Судья с трудом сдержалась, чтобы не закричать. В бессильной злобе она вцепилась ногтями в мореные доски пола, стараясь расцарапать их. Из-под сломанных ногтей потекла кровь. Боль усилила отчаяние, стыд, забрала последние силы. Казалось, сил не осталось даже для слез.

– Умоляю, скажи, чего ты хочешь, – обратилась судья к своему незримому преследователю. – Я сделаю все что угодно. Клянусь. Только пусть это закончится.

Демон выждал несколько минут. Когда судья отчаялась получить ответ, склонился и шепотом, почти беззвучно, потребовал освободить Лескова.

* * *

Прокурор Давид Демидович Джанибеков открыл дверь. Судья кивнула ему и прошла в дом. Они слишком хорошо знали друг друга, чтобы вести разговор на пороге, перебрасываясь дежурными вежливостями.

– Ты один? – коротко спросила судья.

Джанибеков кивнул, закрыл дверь и проводил сестру в гостиную.

– Я бы не отказалась выпить, – сказала она, суетливо оглядываясь по сторонам.

– Есть хороший коньяк.

– Пусть будет коньяк.

Судья взяла предложенную рюмку.

– Что с твоими руками? – спросил Джанибеков, увидев забинтованные пальцы.

– Ничего страшного. Несчастный случай.

Демон коснулся ее руки. Она вздрогнула, расплескав оставшийся в рюмке коньяк.

– Что происходит, Кира? – Давид тревожно заглянул сестре в глаза.

– Скажи ему, скажи ему, скажи ему... – зашептал ей демон.

– Дело Лескова, – выдавила из себя она. – Ты не должен давать ему ход.

– Не должен? Есть что-то, о чем я не знаю? – Джанибеков увидел, как сестра безвольно опустила голову. – Кира? – Он пересел на диван к ней. – Если ты хочешь, чтобы я сделал это, ты должна предоставить мне нечто большее, чем просто просьбу.

– Я не могу, – она до крови прикусила губу. – Просто дай ему время, прошу тебя.

– Мне нужны факты.

– Дай ему еще один шанс.

Взгляд демона вгрызлся в ее затылок нетерпением.

– Кира...

– Дай ему шанс! – завершала судья, теряя самообладание.

Желая скрыть слезы, она уткнулась брату в плечо. Он обнял ее, чувствуя, как содрогается ее тело.

– Прошу тебя, – захлебываясь рыданиями шептала она. – Отпусти его. Пожалуйста.

Прокурор молчал.

– Да как же ты не понимаешь?! Я же... Он... – Судья отпрянула от брата, устремляя на него молящий взгляд заплаканных глаз. – Пожалуйста, Давид, освободи его.

Джанибеков долго смотрел на сестру, затем осторожно кивнул.

– Я придержу дело, – пообещал он. – У него будет месяц, может, чуть больше.

– Спасибо, – трясущимися руками судья начала вытирать лицо. – Спасибо тебе, Давид, – нахлынувшая благодарность, заставила ее снова броситься ему на шею.

Демон отвернулся, позволив ей успокоиться.

* * *

– Теперь домой, – твердила себе Кира Джанибекова, – принять ванну, лечь спать, забыть о пережитых унижениях...

Перед глазами возник образ Лескова. Нет, теперь уже ничто не забудется. Минутная слабость клеймом ляжет на ее репутацию. Освободить преступника! Да что на нее вообще нашло? Нужно вернуться к брату и попросить забыть о вечернем разговоре.

Судья свернула к обочине, остановилась, пытаясь собраться с мыслями.

– Кажется, у нас был договор, – напомнил демон. Она вздрогнула, попыталась притвориться, что ничего не слышит. – Не думай, что это наваждение. Это реальность: сейчас, здесь, с тобой.

Судья молчала. Лишь побледнели костяшки ее пальцев, которыми она вцепилась в руль. Молчал и демон. Молчал, пока судья снова не начала верить, что все это воображение разыгралось. Тогда голос демона снова ворвался в ее сознание. И он уже не пугал. Нет. Он причинял боль. Дикую, нестерпимую боль безумия. Судья заметалась.

– Я не стану нарушать договор. Не стану. Не стану! – закричала она, но голос демона не стих. Наоборот, стал громче, пронзительнее. – Его отпустят! Клянусь, отпустят! – голос судьи сорвался, но вместе с этим стих и голос демона. – Лесков выйдет на свободу, выйдет, – она включила зажигание. – Клянусь, выйдет.

Сводивший с ума голос не возвращался, но у демона был новый план. Какое-то время он ждал, слушая, как судья суеверно шепчет свои клятвы, затем потребовал отправиться в тюрьму и лично сообщить Лескову о том, что он свободен.

* * *

Охранник с трудом узнал в заплаканной и растрепанной женщине судью Киру Демидовну Джанибекову. Странно, но сейчас, в таком виде, она пугала его еще больше прежнего. Он не знал о демоне, не мог видеть его рядом с судьей, но существо, снующее возле ног охранника, существо мира теней, видело демона, боялось. Оно пугливо пряталось

за ноги своего хозяина, передавая ему свой страх. Азоль и все его сородичи были слишком примитивны, неся в своей природе первичные человеческие инстинкты, извращенные разумом своих владельцев. Демон знал это и презирал их. И его презрение передавалось судьбе. Презрение к хозяину азоля.

Судья остановилась позади охранника. Руки у него тряслись, когда он подбирал нужный ключ.

– Это не займет много времени, – сказала не столько ему, сколько самой себе судья.

Дверь открылась. Кира заставила себя войти в камеру. Заключенный ждал, стоя у дальней стены. На мгновение ей показалось, что он знает, почему она здесь, знает обо всем, что с ней недавно случилось.

– Скажи ему, – поторопил ее демон.

– Завтра ты выходишь, – сказала Лескову судья. – Прокурор даст тебе месяц. Большого я сделать для тебя не могу.

– Можешь, – шепнул ей на ухо демон. – Извинись перед ним.

– Что? – растерялась судья.

– Что? Что? Что? – застучало у нее в висках, напоминая о недавнем приступе.

Она обернулась и уставилась на охранника, словно это он был причиной всех ее бед.

– Ну же! – поторопил демон куклу, воля которой уже была сломлена.

– Прости меня, Лесков, – тихо сказала судья. – Прости за все, что я сделала тебе.

Глава вторая

Давид Джанибеков смотрел, как уезжает сестра. Стоял на улице и ждал, пока машина не скроется за поворотом.

«Что же случилось, черт возьми?» – думал он.

Какие цели преследовала Кира? Что заставило гордую, всеми уважаемую судью пасть на колени и просить за человека, честь которого была запятнана, а карьера уничтожена его же собственными проступками? Может быть, страх. Но перед чем? Неужели, бывший судья Лесков сумел-таки отыскать нити, потянув за которые, можно было оказать давление на Киру? Но почему тогда Кира не поделилась этой тайной с ним, со своим братом, не попыталась даже намекнуть? Нет. Здесь, определенно, было что-то другое. Она была слишком напугана, практически не отдавала себе отчет в том, что говорит и что делает. Неужели старые, прокисшие за несколько лет сплетни были чем-то большим, нежели желанием недругов подорвать репутацию всеми уважаемой судьи?

Три года назад Кира заверила брата, что между ней и Лесковым ничего нет, но Джанибеков с трудом поверил сестре. Близость необходима людям, и Кира не исключение. Растить одного сына, строить карьеру и не думать о холодной постели сложно даже для такой сильной женщины, как она... Джанибеков закрыл глаза и тихо выругался, боясь даже думать о том, что Кира могла влюбиться. Нет. Здесь что-то другое. Определенно другое.

– Оставь размышления на потом, – шепнул ему на ухо демон, покидавший его во время визита судьи, чтобы не встретиться со своим сородичем, преследовавшим сестру Джанибекова. – У тебя будет еще время. Займись лучше женщиной, что ждет тебя в спальне. Помнится, она о чем-то хотела поговорить с тобой...

* * *

Клара Пашко лежала на супружеском ложе Джанибековых, пытаясь представить себя молодой. Мягкое постельное белье пахло свежестью. Жена прокурора поменяла его пару часов назад – незадолго до того, как уехала. Знала ли она, что сейчас в ее доме другая женщина? Догадывалась ли? Клара подумала, что это не столь важно. Скандала не будет. Нет. Давид не допустит. Да и жена его не настолько глупа, чтобы рушить из-за ревности то, что создавалось долгих двадцать лет. Проще уехать за город и притвориться, что ничего не происходит. Да и любовница мужа не настолько глупа, чтобы надеяться на нечто большее.

«Да и глупо в моем возрасте надеяться», – подумала Клара, пытаясь вспомнить, как долго встречается с Давидом. Год? Полтора? Какая разница! За это время он многое сделал для нее. Сильное мужское плечо просто необходимо одинокой женщине. Особенно если у нее подрастает дочь. Сегодня Клара собиралась поговорить с Давидом об Оксане, попросить помочь устроиться, выбрать нужное направление. Иначе, Клара чувствовала это, быть беде. Пусть лучше дочь посвятит себя карьере, чем станет размениваться на мужчин. Пусть учится на ошибках матери, которая потратила лучшие годы впустую.

* * *

Счастливым азоль терся о ноги хозяйки. Здесь, в крохотной раздевалке, расположенной на первом этаже высокого здания, соединились мужчина и женщина. За прикрытой дверью слышались голоса, будоража сознание пониманием того, что в любой момент кто-то может войти. Это заставляло их торопиться, но в тоже время быть предельно осторожными в своих порывах страсти, чтобы случайный стон не выдал их.

Сквозь высокое окно пробивался лунный свет, переливаясь, играя на развешенной одежде многочисленных посетителей. Те, кому не хватало вешалок, складывали свою одежду на подоконнике, стульях, столах. Чья-то небрежно брошенная на стол шуба была превращена в любовное ложе. Старый расшатанный стол ритмично поскрипывал. Мужские руки с силой сжимали бедра девушки, не позволяя ей скользить по столу. Он хотел вкусить ее всю без остатка. Еще, еще, еще... Азоль взвился в новом приступе умопомрачительного танца. В своем последнем приступе.

– Извини, что в тебя, – шепнул Аристарх, даря неловкие объятия.

– Я же сказала, ничего страшного, – отмахнулась Оксана.

Страсть остывала, и голоса за дверью уже не дразнили, а лишь напоминали об опасности.

– Выходи первой, потом я, – сказал Аристарх.

Оксана приоткрыла дверь, убедилась, что никого рядом нет, и выскользнула в коридор. Усталый, но уже готовый к новым играм азоль шел за ней следом. До Оксаны он принадлежал ее матери, Кларе Пашко, с которой провел не один год. Много танцев он сплясал возле ног этой женщины, но ее страсть сменилась безразличием так быстро, что едва не погубила невнимательного азоля. Он сник, задремал, с трудом находя силы на редкий танец. Он погибал, вяло влачась позади нее, и навечно уснул, если бы не Оксана. Даже сквозь дремоту, он ощутил запах ее молодости. Осторожно, стараясь не погубить себя, став отверженным, азоль начал искать пути к будущей хозяйке. Она вдохнула в него жизнь, придала сил. Это почувствовала даже Клара.

Одинокая женщина изнемогала от желания. Ей хотелось любви, хотелось нежности, помноженной на страсть, о которой она почти забыла. Ночи стали невыносимо долгими, постель холодной. Азоль жадно цеплялся к ногам хозяйки, указывая на каждого встречного, кто мог бы позволить ему пуститься в дикий пляс. Оксана стала замечать за матерью перемену, которую та уже не могла скрывать. Клара стала раздражительной, вспыльчивой, рассеянной.

– Почему бы тебе не завести себе мужика? – посоветовала дочь после очередного скандала.

Так в жизни Клары появился Давид Джанибеков. Но азолю не нужна была мать, азоль мечтал о ее дочери. Он готов был рискнуть всем, даже своей жизнью, в случае если Оксана отвергнет его. Но она не отвергла.

* * *

Давид Джанибеков пришел на прием не ради забавы. Сегодня он толкался здесь, среди молодежи, лишь потому, что обещал Кларе присмотреть за Оксаной, подыскать для нее работу. Разговор с Дмитрием Сотниковым, молодым начальником одного из отделов, находившихся в ведомстве Джанибекова, был частью этого плана. Хотя сам Сотников,

кажется, искренне верил, что прокурор ищет дружбы.

Демон, следовавший за Джанибековым, с презрением смотрел на вертевшихся возле ног Сотникова азолей. Один из них, брызжа слюной, цеплялся за ноги всех проходивших мимо женщин, другой трусливо прятался за своего хозяина.

«Как этот дурак вообще смог добиться такого высокого положения?» – думал прокурор Джанибеков, осторожно подводя разговор к тому, чтобы найти для дочери Клара работу.

– Не будем скрывать, ваш отдел переживает сейчас кризис, – сказал прокурор молодому коллеге. – Не спорьте. Многие считают, что виной всему недостаток вашей квалификации, я же думаю, вам просто достались халатные служащие. Нужно что-то менять, Дмитрий Александрович. У вас не такой большой штат. Надеюсь, мы понимаем друг друга?

Джанибеков дождался, когда Сотников кивнет и пообещал помочь в поиске новых сотрудников. Трусливый азоль Сотникова прыгнул к ногам прокурора и начал вылизывать ему ботинки. Демон Джанибекова наградил его пинком, отбросив туда, где ему было самое место – к ногам его хозяина.

* * *

Оставшись один, Аристарх закурил сигарету. Сейчас, в этой забитой одеждой раздевалке, было время подумать о случившемся. Не то, чтобы секс с Оксаной не входил в его планы, просто это произошло как-то неожиданно. Вот они вместе учатся, вот их знакомство становится более близким, вот те несколько лет дружбы, и вот то, что случилось сегодня. Перед глазами мелькнуло что-то яркое, хотя, возможно, эта вспышка произошла глубоко в сознании. Аристарх тряхнул головой, прогоняя наваждение, но вспышка повторилась. Он обернулся, разглядывая стол, на котором они с Оксаной недавно занимались любовью. Воспоминания вызвали улыбку. Аристарх загушил сигарету и вышел в коридор. Скрюченный, зачехленный азоль поплелся следом.

Несколько лет назад он имел глупость сменить хозяина и теперь медленно засыпал, не в силах достучаться до сознания своего нового владельца. Мысли Аристарха были закрыты для похотливых набегов азоля, не имевшего скрытой власти над хозяином. Не мог азоль и покинуть его. Какая-то невидимая сила держала его возле этого человека. Если бы мог, он умолял бы отпустить его, скулил не переставая, обливался слезами, обещал исполнить любые желания хозяина, лишь бы получить свободу, но на это он был не способен. Поэтому единственное, что оставалось, – безропотно плестись следом, медленно засыпая, осознавая неизбежность своей гибели.

* * *

Дмитрию Сотникову захотелось выпить. Разговор с Давидом Демидовичем Джанибековым принес сумятицу в его планы и мысли. Что в действительности хотел сказать прокурор, на что намекал? Один из азолей Сотникова в панике схватился за его ногу. Его страх передался хозяину. Другой азоль недовольно заскулил, чувствуя, что вечер идет насмарку. Сотников неосознанно начал искать в шумной толпе жену Светлану. Кто, как ни она, сможет выслушать и дать совет?! Трусливый азоль радостно заулыбался, другой скорчил

недовольную мину, раздосадовано топнул ногой, затем увидел девушку из отдела, где работал его хозяин, обрадовался, пустил слюну.

– Ты не видела Светлану? – спросил Сотников.

Ольга Новикова улыбнулась и кивнула головой. Один из азовей потянул Сотникова прочь, другой сердито затопал ногами.

– Боишься, что о нас узнают? – спросила Ольга, читая его мысли.

– Вот еще, – отмахнулся Сотников.

– А как же Светлана Юрьевна?

– Светланы Юрьевны здесь нет, – сказал он, и жирный азовей радостно запрыгал у его ног.

* * *

Вечерний воздух был свеж. Лиля и Светлана ждали Дениса Новицкого – любовника Лили. Он опаздывал, и они успели выкурить по паре лишних сигарет, прежде чем он подъехал.

– Не думал, что придешь с подружкой, – сказал Денис Лиле. Повернулся к Светлане и спросил, как дела у ее мужа.

– Дима работает, – натянуто улыбнулась Светлана. – А ты как? Как жена?

– Нормально. Передать ей привет?

– Как хочешь. Мы видимся с ней часто.

В разговоре повисла неловкая пауза, потом Светлана, став серьезной, сказала Денису, что им нужно поговорить.

– Ты занимаешься недвижимостью, ведь так? – решила она сразу выложить карты на стол. – Мне нужна небольшая услуга.

– Какая, если не секрет? – спросил Денис.

– Мы с Димой собираемся приобрести жилье, а у кого спросить совет, как не у преуспевающего риэлтора?

– Только совет?

– Посмотрим.

Светлана улыбнулась, ловя себя на мысли, что, возможно, когда-нибудь позволит себе провести ночь с этим светловолосым красавцем. Но не сейчас. Нет. Она уйдет и заберет с собой Лилю. Пусть Денис знает – пока он ей не поможет, она ему не даст спокойно жить. А Лилия? Ей можно будет сказать, что все это ради нее. Пусть Денис привыкает прилагать усилия, добиваясь женщин, а не получать, щелкнув пальцами. Лилия поверит. Лилия всегда верит.

* * *

Давид Джанибеков наблюдал за Оксаной больше часа, но решил познакомиться, лишь когда на банкет вернулась Светлана Сотникова. Он начал с разговора о ее муже, затем перешел на общих знакомых. Светлана и сама не заметила, как предложила представить его своим подругам Оксане и Лиле.

– Интересный экземпляр, – сказал Джанибекову его демон о дочери Клары.

Определенная роль для этой девушки была еще не отведена, но сценарий истории, в которой ей предстоит принять участие, был уже написан. Снующий возле ее ног азоль пугливо поглядывал на демона, чей холодный взгляд гасил все порывы к запретным танцам, из которых состояла жизнь этого примитивного существа. Но демону было плевать на азоля. Его внимание привлекло едва заметное сияние возле Оксаны. Холодные глаза демона сверлили взглядом бьющуюся в конвульсиях точку света. Очень медленно она разрасталась, пульсировала, и никто, даже демон, не знал, сможет ли она выжить и развиваться.

Оксана вздрогнула, увидев Аристарха. Пульсирующая точка вздрогнула вместе с ней, сильнее забилась и неожиданно увеличилась в размерах. Теперь сквозь сгустки света можно было разглядеть очертания крохотного эмбриона, окутанного вакуумом мерцаний, который будет развиваться, расти до тех пор, пока сам не сможет дарить вспышки света, в котором был зачат. Так начинали свою недолгую жизнь линки – существа, призванные нести в жизнь людей любовь. Линки всегда зарождались парами, так что, если здесь находился один, где-то рядом кружил и второй. Такова их природа.

Точка света возле Аристарха задрожала, принимая форму крошечного эмбриона, идентичного тому, который витал возле Оксаны. Эти близнецы засияли ярче, побуждая хозяев еще раз встретиться взглядом.

* * *

В эту ночь, занимаясь любовью со своей женой Ниной, Денис Новицкий представлял на ее месте Светлану Сотникову – корыстную, дерзкую, наглую. Его фантазии были грубыми и эгоистичными. Странно, но даже после того, как все закончилось, они не растаяли, не лопнули мыльным пузырем. Скорее, наоборот – окрепли.

– Совсем забыл, – сказал Денис, – Светлана передавала тебе привет.

– Светлана? – переспросила Нина. – Это случаем не подруга Лили Карповой?

– При чем тут Лилия? – Денис отчитал себя за то, что вообще начал этот разговор.

– Верно, ни при чем, – тихо сказала Нина.

Она повернулась к мужу спиной и закрыла глаза. Ждала терпеливо, что он извинится или скажет хоть что-то в свое оправдание, затем уснула. Денис какое-то время еще лежал с открытыми глазами, невольно сравнивая жену и Светлану. Светлана выигрывала по всем пунктам. На ее фоне Нина выглядела глупой простушкой. Потом Денис уснул.

Несколько невидимых для человеческого глаза теней проскользнули по комнате, копаясь в сознании спящих людей. Одна из них, натолкнувшись на мысли Дениса о Светлане, устремилась прочь из этого объятых ночным сумраком помещения, намереваясь проникнуть в тихий сон жены Дмитрия Сотникова. Остальные тени, задрожав, преломляя лунный свет, растворились в пространстве, так и не утолив свой аппетит. Для них ночь исканий только начиналась.

Глава третья

Свежий воздух пьянил, от свободы кружилась голова. Покинув тюремную камеру, Петр Леонидович Лесков чувствовал себя рожденным заново. Хороший обед, дорогая сигара и бокал вина – стояли первыми в длинном списке того, что он собирался получить в этот вечер. Следом за этим шла женщина. Любая женщина, лишь бы снова почувствовать себя живым. Пусть даже за деньги.

«Это только начало», – утешал себя Лесков.

Сняв номер, он купил новую одежду, посетил парикмахерскую, принял душ и заказал бутылку вина. Пара часов отдыха не восполнили его потерь за последние месяцы, но он, по крайней мере, стал похож на человека. Почувствовал себя человеком. Худощавый, среднего роста, сорока пяти лет, со светлыми, не тронутыми сединой волосами, узкими чертами лица и холодными голубыми глазами. Повертев в руках галстук, Лесков решил его не надевать. Строгий черный костюм, голубая рубашка, лакированные туфли – этого было достаточно для сегодняшних планов. Идти в свой дом Лесков пока не собирался – к черту ненужные расспросы и внимание. Пусть будет как будет. К тому же друзей, которые порадуются его освобождению, все равно не осталось. Но об этом можно подумать после. Не сегодня, не сейчас.

Дождавшись вечера, Лесков отправился в закрытый клуб, где его помнили как любителя девушек до двадцати. Заранее зная, чем закончится ночь, он заказал себе комнату, а затем окунулся с головой в мир разврата и безрассудства. Наконец-то одурманенный алкоголем и легкими наркотиками мозг забыл обо всех проблемах и тревогах. Лесков кутил, стараясь не вспоминать о том, что еще утром находился в одиночной камере, ожидая суда. Сейчас он снова на свободе.

Тревога вернулась под утро. Лесков лежал на кровати и смотрел в потолок. Две молодые девушки, с которыми он провел ночь, спали рядом, обнимая друг друга. Он завидовал им. Завидовал их спокойному сну. Для него покой остался в далеком прошлом. И нет такого вина, наркотика или женщины, которые смогут исправить это.

– Не время для разочарований, человек, – услышал Лесков скрипучий голос, доносившийся из самого темного угла комнаты. Он прищурился, пытаясь разглядеть говорившего. – Не трать время на то, что не сможешь понять, – произнес голос, и Лесков понял, что голос этот звучит у него в голове. – Мы заключили сделку, человек. Настало время исполнить обещанное.

– Зачем он вам? – выдавил из себя Лесков.

– Ты хочешь знать? – спросил голос.

Очертания комнаты стали меняться. Сначала Лесков почувствовал холод, затем понял, что вернулся в свою одиночную камеру. Даже запахи стали прежними.

– Ты не напугаешь меня, – сказал Лесков, не понимая, что дрожит. – Я сильнее, чем ты думаешь.

– Тогда какое тебе дело до судьбы тех, кто слаб?

– Я всего лишь хочу знать, какая роль будет отведена мне. – Лесков ждал ответа несколько минут, но голос молчал. – Ну хорошо, – сдался Лесков, решив не искушать дальше судьбу.

Он снял телефонную трубку и набрал номер своего племянника.

– Алло. Саша, это ты? Это Петр Леонидович... Как это какой? Твой дядя Петя, бестолочь ты невоспитанная. – И уже мягко, с улыбкой: – Мне нужно срочно тебя увидеть.

* * *

Светлана Сотникова приехала сразу, как только позвонил Денис Новицкий. В кафе былолюдно. Она заказала черный кофе без сахара, достала пачку сигарет, но закуривать не стала. Денис рассказывал об особняке на окраине города, который некогда принадлежал французскому бизнесмену по фамилии Мольбрант. Для Светланы это было слишком дорого.

– А если я скажу, что стоимость в несколько раз ниже, чем ты думаешь? Это тебя заинтересует? – спросил ее Денис.

– Пока не знаю. А в чем подвох?

– Нужно уладить небольшие накладки с документами. У тебя ведь есть знакомые судьи?

– Не думаю, что мне нужны лишние проблемы.

– Здесь нет проблем. Тебе нужно будет договориться с судьей и ждать.

– А где гарантия, что потом стоимость дома не возрастет в несколько раз?

– Мы заключим договор. – Денис поставил на стол портфель с документами. – Здесь все необходимое по дому. У тебя есть неделя. После ты либо согласишься, либо я найду кого-то другого, – он молчал, ожидая ее решения, а когда она, наконец, потянулась, чтобы забрать портфель, взял ее за руку. – Я буду ждать твоего звонка, – сказал он, сжимая ее ладонь.

– Я подумаю, – Светлана встретилась с ним взглядом. Это странное рукопожатие было совершенно неуместным, но оно определенно ей нравилось.

* * *

Племянник Петра Леонидовича Лескова был высок, худощав и статен. Почти аристократ. Его умению вести диалог могли бы позавидовать лучшие ораторы, но на этом достоинства заканчивались. Человек с перспективами не добился ничего, распыляя свою жизнь на бесчисленные любовные романы.

Наблюдавший за ним старый демон, знал об Александре намного больше, чем тот знал о себе. Уже много веков дар, которым наградила природа генеалогическое древо Лесковых, передавался из поколения в поколение. Поставленное демонами действие трещало по швам, стоило одному из Лесковых оказаться в этом неизъяснимом театре. Они писали свой сценарий, и никто не мог им помешать. Святость ангелов, порочность демонов, их общая мудрость – все блекло рядом с этим даром.

За долгие годы демоны усвоили одно – с такими людьми лучше вступать в сговор, обещая богатство и славу, нежели играть против них. Подобный ход приносил плоды. Жатва была богатой. Дар сам выжигал себя, утопая в интригах и пороке. Алчность и жажда власти стали его неотъемлемой чертой. Дивный светоч угасал, теряя силу в жадных руках наследников. Последним из них был Петр Лесков. Подобно предкам, он разбазарил свой дар. Все забыли о нем. Все, кроме старого демона. Слишком старого, чтобы растрчивать себя на незначительные действия. Его цели уходили корнями глубоко в историю, а кроны этого дерева касались далекого будущего. Старый мудрый демон, самый древний из всех своих сородичей.

Кто как не он заметит то, что другими оставлено без внимания? И он заметил, но предпочел ждать. Из века в век он наблюдал за семейством Лесковых, всегда находясь рядом, готовый вступить в игру.

И вот момент, которого он так долго ждал, наступил. Угасающий дар притаился, набрался сил и вместо того, чтобы иссякнуть, наделил всей своей силой последнего потомка древнего рода. Старший брат Петра Лескова ушел из жизни, оставив после себя лишь дурную славу. Мало кто жалел о его смерти. Даже женщины, с которыми он жил, щедро награждая их внебрачными детьми, не удосужились вспомнить его добрым словом. О Геннадии Лескове забыли все, включая его собственного брата, и лишь только мудрый демон продолжал наблюдать за судьбой вымирающего рода.

Петр Лесков не мог иметь детей. Из семи незаконнорожденных детей его брата, кровь древнего рода Лесковых текла в жилах только одного. Геннадий прожил с матерью своего сына чуть больше двух лет, а затем ушел к другой, устав от оседлости, оставив ребенку лишь свою фамилию. Так появился на свет Александр Лесков – последний представитель древнего рода. Демон неустанно наблюдал за ним, решая, какую роль отвести ему в предстоящем действе.

* * *

Светлана Сотникова встретила со своим братом, Макаром Юрьевичем Юхановым, вечером у него дома. Дождалась, когда его жена, Катерина, оставит их наедине, и попросила посмотреть бумаги на дом Мольбрантов. На этот странный дом, вокруг которого ходило так много темных, мрачных слухов.

– Тебе не кажется, что цена подозрительно низкая? – сразу спросил Макар.

– И дураку ясно, – согласилась Светлана.

– О том, что у дома нет законных владельцев или претендентов, ты тоже знаешь?

– Поэтому я здесь.

– Не понимаю, как тогда ты планируешь купить этот дом, – заворчал Макар. – У кого?

– У Мольбрантов был приемный сын. – Светлана закурила, дожидаясь, когда брат прочитает бумаги. – Его зовут Дидье...

– Я вижу, – Макар забрал у нее сигарету, затушил и бросил окурочек в пепельницу. – Ты знаешь, что он был главным подозреваемым в убийстве его родителей?

– Я знаю, что его вину не доказали.

– Он был единственным, кто выжил тогда в доме.

– Верно. И он был единственным, кто видел убийцу. – Светлана снова закурила. – К тому же это было давно, Макар. Активы его семьи заморожены, но у него российское гражданство, поэтому если он обратится в суд... – Она увидела, как брат качает головой, и осторожно напомнила ему о его недавней интриге, когда избежать скандала удалось лишь благодаря ее вмешательству.

– Ты знаешь, как называется то, что ты сейчас делаешь? – растерялся Макар.

– Взаимовыручка.

– Шантаж! Вот как это называется!

– Не кипятись. Ты же не хочешь, чтобы твоя жена узнала о том, какой ты проказник.

– Перестань.

- Та девушка была моей подругой.
- Хватит!
- Это значит, что мы договорились?
- Я посмотрю, что можно сделать.

* * *

Судья Кира Джанибекова предупредила сына, что задержится на работе, но после разговора с Марком Юхановым в обеденный перерыв решила отправиться домой. День был испорчен. Все мысли заняло старое дело Мольбрантов, о котором спрашивал Макар Юрьевич. Она даже подняла архив и принесла в свой кабинет пыльные пожелтевшие папки. «Неужели Юханов решил купить тот дом?» – думала судья, листая страницы дела Мольбрантов, которое когда-то давно рассматривала в суде. Она уже и забыла, сколько головной боли принес ей тот процесс. Тогда ей казалось, что против нее ополчились все: пресса, адвокаты, даже прокурор... Нет, день определенно был испорчен.

Оставалось лишь вернуться домой и застать сына с девушкой на диване в гостиной.

- И давно вы... ну... – Кира Джанибекова невольно поморщилась.
- Сегодня первый раз, – спешно сказал Эдик. – Я и Регина... Вдвоем... Первый раз.
- А-а-а... – протянула судья. – Понятно... А так, значит... То есть порознь...
- Мы предохраняемся.
- Предохраняетесь? – Она тупо подумала, что это, наверно, хорошо. Должно быть хорошо. По крайней мере, не плохо. Узнать бы еще, сколько этой девочке лет.
- Извините нас, – сказала Регина.
- Извинить? За что?
- Ну...
- Давай представим, что ничего не было. Ты согласна?
- Но ведь это же было.
- Мама права, – вступился Эдик. – Ничего не было.
- Ладно, – неуверенно согласилась Регина.
- Ну, вот и хорошо, – одобрила ее Кира.

Они попрощались. Судья проводила их взглядом до выхода. Она смотрела в основном на Регину, оценивала. Судья не знала, но ее демон в этот момент смотрел на плетущегося за Региной помятого ангела. Он был совсем молод и неопытен, но, тем не менее, это был ангел. На лице демона появился хищный оскал.

– Эта девочка не так проста, как кажется, – шепнул он судье.

Ангел услышал и вздрогнул. Его жизнь только начиналась, ему многое предстояло узнать, набраться мудрости, понять, как устроен театр жизни, кто в нем марионетки, а кто кукловоды, кто пишет сценарии, а кто приводит их в действие и каковы правила в этом театре теней. Сейчас же ангел знал лишь то, что он ангел, и, конечно, он даже не мог догадываться, что пьеса с его участием уже написана.

Созидая свой план, демон Киры Джанибековой продолжал настраивать судью против Регины. Игра с ангелом, пусть даже и с молодым, дорогого стоила, а победа над ним и того дороже. За несколько веков демон так и не осмелился вступить в открытую борьбу ни с одним из ангелов – слишком велика была ставка. Теперь же долгожданный момент наступил.

Разговор с мужем о покупке дома Светлана Сотникова начала издалека. Она знала, что найти нужную сумму будет не просто. Очень не просто. Сначала она рассказала ему о своих подругах, о том, как завидуют они, что у нее есть такой замечательный муж. Потом ненавязчиво вспомнила свой разговор с прокурором Давидом Демидовичем Джанибековым. Разговор о работе, детях, доме.

– Дорогой, почему у нас все еще нет своего дома? – спросила Светлана, став вдруг серьезной. – По-моему, человек твоего уровня давно должен был позаботиться об этом. Даже прокурор так считает.

– Джанибеков знает, где мы живем? – Сотников покраснел до кончиков ушей.

– Я сказала ему, что мы как раз собираемся покупать новый дом, а чтобы не тратить лишние деньги, временно живем здесь.

– Вот это правильно.

– Я тоже так думаю. – Светлана закурила. – Скажи, ты бы хотел жить в доме Мольбрантов?

– В доме Мольбрантов? – Сотников криво усмехнулся. – Да он стоит целое состояние.

– Он стоит в несколько раз дешевле, чем ты думаешь.

– Тогда что с ним не так?

– Небольшая проблема с документами, но мой брат сказал, что все уладит.

– Все равно для нас это слишком дорого.

– И ты не сможешь ничего придумать? – Светлана заглянула мужу в глаза. – Совсем ничего?

– Будет сложно найти такую сумму, – сказал Сотников, но пообещал, что сделает все возможное.

Позже, когда наступила ночь, и они уснули, лелея свои мечты, когда желтый диск луны завис высоко в небе, и почти все люди погасили свет в своих домах, тогда наполнявшие небольшую спальню тени ожили. Голодные тени. Они слетались сюда, словно падальщики, почуявшие запах мяса и жаждущие вцепиться в плоть. Они копались в сознании спящих людей, утоляя голод, а затем разлетались дальше, следуя за прочитанными мыслями.

То, что началось с одного падальщика, проследившего по крошкам сознания путь от Дениса Новицкого до Светланы Сотниковой, теперь привело сюда целую стаю, и стая эта была голодна. Не зная усталости, они готовы были кружить ночь напролет в поисках пищи, дабы к утру отнести ее своему хозяину, который справедливо разделит добычу, щедро бросая слугам сочные ломти собранных ночью и начинающих гнить к утру плотских мыслей, оставляя себе лишь самые свежие, самые лакомые куски.

Нина Новицкая встретила его, высокого аристократа с чувственными губами и пытливым взглядом, на улице случайно. Она не знала, почему заговорила с ним, почему согласилась выпить чашку кофе, почему потянулась к этому человеку, а потом... Потом вдруг как-то все завертелось и стало слишком сложным. Для Нины сложным.

Она ничего не знала об Александре Лескове. Не знала, кто он, откуда. Не знала она и о женщине, в доме которой он жил. О женщине, которая содержала его. Для Нины Александр был тенью, призраком, в которого она не верила, но искала с ним встречи.

Во время одной из таких встреч старый демон, который наблюдал за Александром, увидел, как на свет появился азоль. Вернее пара азолей. Близнецы. Первый – сильный и крепкий – разорвал кокон, в котором был рожден, и выбрался на свободу. За ним последовал брат – слабый, немощный. Он едва смог выбраться из кокона и тут же упал к ногам своего сородича. Несколько мгновений первый азоль смотрел на своего убогого брата, затем сплюнув на него остатки заполнявшей рот слизи, выбрал себе в хозяева Александра Лескова – вожака, лидера, который позволит ему сплясать не один танец. Но это была ошибка, которую совершали не только азолы, но и более мудрые существа. Старый демон знал это, видел уже не раз. Древний дар Лесковых убивал их всех, забирая в небытие. Демон увидел, как ожила пустота, схватила молодого азоля за горло. Азоль попытался вырваться, сбежать. Но пустота была сильнее. Она проглотила его. Было лишь слышно, как затрещали ломающиеся кости. Его брат жалобно заскулил, пополз к ногам Нины, надеясь найти там спасение. Но все уже закончилось... Закончилось в мире теней... Для Александры и Нины это было просто свидание.

Позже, много встреч позже, старый демон увидит, как у них появится пара линков – беспечных созданий мира теней, которых было так много, что старый демон давно уже перестал обращать на них внимание. Они рождались и умирали, поражая своей плодовитостью. Своим светом они могли прогнать даже демона, но демоны умели ждать, а линки вспыхивали и быстро гасли. Для них театр жизни был слишком сложен.

Продолжая наблюдать, старый демон размышлял над тем, что его ждет. Время для глубоких раздумий еще не настало, он знал это. Но перемены грядут. Их ветер уже зародился. Оставалось дожидаться, насколько сильным он будет.

Глава первая

Одинокий прохожий стоял возле закрытых железных ворот. Только отсюда можно было увидеть монолитный, словно вырубленный из цельного куска мрамора особняк Мольбрантов. В других местах высокая каменная изгородь скрывала дом от любопытных глаз. Легенда о том, что случилось здесь три года назад, была все еще жива, вызывая интерес газетчиков, туристов, подростков. Но пасмурный мерзкий день распугал зевак и случайных прохожих. Улица была пустынна. Возле ворот стоял лишь чернокожий мужчина. Его звали Дидье Мольбрант. Он не знал, почему пришел сюда. Почему стоит у ворот и смотрит на дом, о котором старался не вспоминать в последние годы. Смотрит и плачет.

– Негоже это для мужчины, – проскрипел позади него старик, который появился словно из ниоткуда. Бесцеремонно подвинув француза, он загремел связкой ключей, собираясь открыть ворота.

– Что вы делаете? – растерянно спросил Мольбрант почти без акцента.

– Ты разве не видишь?

– Я думал, в доме никто не живет.

– В доме? – старик презрительно сплюнул. – Боже упаси жить здесь! – он обернулся, награждая француза презрительным взглядом. – Ты разве не помнишь меня?

– Нет.

– Ну тогда стой здесь и плачь.

Старик закричал, закрыл за собой тяжелые ворота. Мольбрант смотрел, как он уходит – усталый, немощный, едва поднимая ноги – последний слуга этого проклятого дома. Старик не оборачивался.

В сторожке, где он жил, было тепло. Он снял мокрый плащ и повесил над обогревателем, достал газету, заварил чашку чая, надел очки. Какое-то время старик читал, стараясь ни о чем не думать, затем подошел к окну, увидел Мольбранта, заворчал и начал снова одеваться.

– Жалко мне тебя, – сказал он французу. – Вымок, наверно, весь? Ты только посмотри какой дождь, а у тебя и зонта нет...

– Я вас вспомнил, – перебил его Мольбрант. – Вы работали здесь садовником.

– Работал, – старик зазвенел ключами, открыл ворота. – Пойдем в сторожку. Согреешься, – он увидел, как вздрогнул француз. – Ну, чего ты? – растерялся старик. – Не бойся. Все уже давно закончилось. Здесь нет никого, кроме меня и моей внучки.

– Вашей внучки?

– Да. Только не говори никому. Это вообще-то не положено, – старик недовольно замахал рукой. – Ну, пойдем же! Не заставляй старика мокнуть.

В сторожке он забрал у Мольбранта куртку и свитер, повесил сушиться. Чай, который он заварил, был крепким и пах мятой.

– Это моя внучка, – сказал старик, доставая потрепанный фотоальбом. – Правда, красавица?

Он долго показывал фотографии и вспоминал, вспоминал, вспоминал... Мольбрант слушал его, забившись в угол старого дивана. Озноб проходил. Скрипучий голос старика успокаивал. Мольбрант закрыл глаза, стараясь ни о чем не думать. Он задремал на мгновение. Так, по крайней мере, ему показалось.

– Просыпайся, твоя одежда уже высохла! – услышал Мольбрант женский голос.

Внучка старика деловито расхаживала по комнате, проверяя все ли на месте. Самого старика нигде не было.

– Не бойся, я не вор, – сказал ей Мольбрант.

– Все вы так говорите, – она наградила гостя недобрым взглядом. – Пользуетесь тем, что у старика доброе сердце. Работу бы лучше нашли, чем попрошайничать... У нас и своих лодырей хватает.

– Я не бездомный, если ты об этом.

– Ну, конечно!

– Посмотри на мою одежду, разве бездомные носят такие вещи?

Девушка окинула его недоверчивым взглядом.

– Тогда какого черта ты делаешь здесь?

– Когда-то давно я здесь жил.

– Жил? Здесь? В сторожке? – девушка нахмурилась.

– Меня зовут Мольбрант. Дидье Мольбрант.

– Мольбрант? – девушка нахмурилась сильнее. – Тот самый Мольбрант, что... – она тихо выругалась. – Извини. Я думала, ты еще один бездомный, которого притащил сюда из жалости мой дед... Чернокожих прежде, правда, не было, но... – она неожиданно просияла и протянула французу руку. – Меня зовут Ульяна. Хотя старик, наверное, тебе и так все рассказал перед тем, как ушел на вечерний обход.

– Вечерний обход? – Мольбрант тревожно выглянул в окно.

Сумерки съедали очертания дома.

– Что-то случилось? – встревожилась Ульяна.

– Ты слышала о том, что здесь произошло?

– Конечно. Все слышали, – в ее глазах вспыхнул интерес. – Скажи, а это действительно было так, как об этом рассказывают?

– Смотря кто рассказывает.

– Может быть, расскажешь сам? Мы могли бы пробраться в дом и там...

– Не думаю, что меня это интересует.

– Тогда зачем ты пришел сюда?

– Не знаю.

– Люди говорят, убийцы иногда возвращаются на место преступления.

– Я здесь когда-то жил, забыла? Это был мой дом... И я не убийца.

– Тогда перестань бояться и расскажи, что здесь произошло на самом деле.

– Как мы проникнем в дом?

– Я знаю, где дед держит ключи. После того как он заснет, у нас будет целая ночь.

* * *

Когда до полуночи оставалось чуть больше часа, дряхлый старик Яков громко захрапел на старом диване, а серые стены особняка поглотила тьма, Ульяна и Мольбрант выскользнули из сторожки и направились к дому, прячась в тени деревьев от редких фонарей, освещавших двор. Особняк ждал их – огромный, мрачный, величественный.

– Здесь так пыльно, – сказала Ульяна, когда они оказались внутри. – И холодно.

– Здесь всегда холодно, – Мольбрант не двигался, ждал, когда глаза привыкнут к темноте. – По крайней мере, я не помню дом другим.

– Ты мне покажешь, где началась история этого дома?

– Ты уже в ней. Сам дом – история, – Мольбрант прикрыл за собой дверь.

Ульяна прошла в центр гостиной. Здесь, где высокие потолки терялись в полумраке, а пробивавшегося сквозь большие окна лунного света было недостаточно, чтобы разглядеть детали интерьера, можно было представить себе все что угодно.

– Когда-то здесь было очень красиво, – сказал Мольбрант.

– Здесь и сейчас красиво.

– Сейчас здесь одиноко, – он заставил себя не замечать мертвую тишину вокруг: густую, липкую, словно вдруг оказался в склепе. – В этом доме всегда былолюдно, – сказал Мольбрант. – С момента, как меня усыновили, я не помню и дня, чтобы здесь не гостил кто-нибудь. Стоило одним уехать, как тут же заселялись другие. Я помню маленькую девочку, которая прожила в этом доме четыре года со своей матерью. Мы были детьми и сильно привязались друг к другу. Потом она уехала, и спустя пару лет никто даже не мог вспомнить ее имени... Таким был этот дом. Понимаешь? Пока ты жил здесь, ты был частью этого мира, но стоило уехать, и все – ты переставал существовать для тех, кто остался... Смешно, но иногда мне кажется, что все мои воспоминания связаны только с этим домом. Здесь я нашел первого друга, встретил первую любовь, первый раз переспал с женщиной. Я помню, как мой брат говорил мне то же самое. Да и не только он. Большинство людей из тех, кто жили здесь постоянно, согласились бы со мной. Возможно, именно это и сыграло с нами злую шутку. Мы слишком зависели от жизни тут. Моя старшая сестра вышла замуж. Она жила с мужем здесь, у них был ребенок, но стоило ей на пару дней остаться одной, как она тут же забывала о супруге, находила себе кого-нибудь другого и развлекалась, пока он не возвращался. Никого из нас это не удивляло. Даже больше, казалось нормальным. Мы делали вид, что ничего не произошло, и жизнь продолжалась... Странно, но в день трагедии гостей было на редкость мало. Как никогда мало. Мы поужинали и разошлись по своим комнатам. Спать не хотелось. Я думал о Марии Блонской – замужняя шатенка с непроницаемо-черными глазами. Она гостила у нас вторую неделю. Ее пригласил племянник моего отчима. У них был роман, но в этом доме это ничего не значило... Я добивался ее расположения с настойчивостью девятнадцатилетнего мальчишки, выросшего в мире содома. Мне казалось, что цель уже почти достигнута, поэтому вторую ночь подряд я не закрывал дверь в свою комнату, надеясь, что Мария Блонская найдет предлог, чтобы зайти ко мне. Я ждал ее до одиннадцати, а затем лег спать, не переставая надеяться на ее ночной визит... Когда раздался первый выстрел, я проснулся, решив, что началась гроза, хотел закрыть окно, но на улице было тихо и свежо. Потом я услышал еще один выстрел – раскатистый, словно эхо в горах. Кто-то закричал. Снова выстрелы. Крики где-то уже совсем рядом. Я боялся даже дышать. Все, наверно, боялись, потому что между выстрелами каждый раз наступала мертвая тишина... Я услышал грохот в соседней комнате. От нового выстрела заложило уши. Я понимал, что должен бежать, спасаться, но когда убийца пришел ко мне, я не мог пошевелиться. Высокий русский. Может быть, выше меня. Несколько секунд мы смотрели друг на друга, потом он ушел, а я остался стоять возле окна, слушая выстрелы. Для меня до сих пор загадка, почему он пощадил меня. Может быть, потому что я был единственным чернокожим в доме, может, еще почему, не знаю... Не помню, сколько прошло времени, но когда я осмелился выйти, начинался рассвет. Из семнадцати человек, находившихся в доме, в живых остался только я.

Убийца скрылся. Муж Марии Блонской был объявлен в розыск, но его так и не нашли, – Мольбрант замолчал.

– Муж Марии Блонской? – удивилась Ульяна.

– Он подходил под мое описание, у него были причины, первой жертвой стала его жена, разве этого недостаточно?

– Я слышала другую историю. Там главным подозреваемым был ты.

– Это неправда.

– Откуда мне знать?

– Меня бы давно арестовали.

– Ты умен и изворотлив.

– Если ты веришь в эту чепуху, зачем затащила меня в этот дом? Разве тебе не страшно?

– Страшно, – Ульяна подошла к Мольбранту, пытаясь заглянуть ему в глаза. – Но я не думаю, что ты псих. Ты не станешь убивать ради удовольствия.

– Любишь пощекотать себе нервы, да?

– Очень.

– Мне придется тебя разочаровать. Я не убийца.

– Кто бы им ни был, он до сих пор на свободе.

– Но не здесь.

– Кто знает, – она взяла Мольбранта за руку. – Покажи мне, где произошло первое убийство.

Они прошли в комнату Марии Блонской.

– Здесь все прибрали после того случая, – сказал Мольбрант.

– Понимаю.

Ульяна прошла по комнате, словно хотела впитать в себя атмосферу дома, атмосферу той далекой ночи. Запах смерти, безумия. Здесь сейчас...

* * *

Они покинули особняк пару часов спустя. Нарушили стройность тишины своим присутствием, оживили на мгновение застоявшийся воздух и вновь бросили умирающий дом на растерзание пыльному времени.

Но дом не был одинок. Эти стены служили темницей для заключенного здесь узника. Его мертвенно-бледные глаза не мигая смотрели в пустоту, словно там еще сохранился след недавних гостей. Прямые белые волосы, обрамляя бледное, запечатлевшее в своей неподвижной гримасе скорбь лицо, падали ровными прядями на плечи. Он томился здесь давно. Очень давно. Застрявший между мирами ренегат. Лишенный свободы отступник. Эти стены были его оковами. Это одиночество было его карой. Изоляция, бездействие, тишина. А где-то далеко цветет и распускается дивный и древний мир. Но увидеть его можно лишь из окна. Почувствовать, лишь вдохнув запахи людей, которые приходят в дом. В этот проклятый дом.

Глава вторая

Когда Антон Ламзин познакомил родителей с Ульяной, они одобрили его выбор. Симпатичная, порядочная, целеустремленная девушка – так решили они. Конечно, они не могли видеть уродливого азоля, что влачился за ней. Азоль, доставшегося ей от прошлого парня. Но справедливости ради нужно отметить, что азоль этот засыпал. Он не мог оставаться один. Ему нужен был хозяин. Хороший хозяин, с которым они спляшут не один головокружительный танец. Иначе азоль погрузится в вечный сон. Он чувствовал, как тяжелеют его веки, наливаются свинцом. Поэтому он покинул прежнего хозяина и ушел к Ульяне. Но и Ульяна не могла дать ему то, чего он хотел, не могла прогнать надвигающийся вечный сон. И уродливому азолю оставалось рыдать и пытаться не заснуть.

В эту ночь, когда родителей Антона не было дома, когда Ульяна согласилась прийти, а сам Антон был так сильно взволнован, что путался в словах, умирающий азоль надеялся на призрачный шанс отсрочить свой сон. Продержаться совсем чуть-чуть, чтобы найти нового хозяина.

– Я так долго ждал этого момента, – признался Антон, когда они с Ульяной прошли в спальню.

– Ты каждый раз говоришь это.

– Правда?

– Что, уже не помнишь?

– Нет, конечно, помню, просто... – Антон замолчал, увидев, что Ульяна начала раздеваться.

Она делала это неторопливо, словно собиралась лечь спать, а не заняться любовью. Но Антона волновал сам факт, а не то, как это происходит. Он спешно разделся и забрался под одеяло. Ульяна сложила свои вещи на стул и легла рядом. Цеплявшийся за ее ноги, азоль обреченно заскулил, чувствуя, насколько безразлична к происходящему хозяйка.

– Не так быстро, – попросила она Антона.

– Так лучше? – заботливо спросил он.

– Да. Только не торопись.

– Не могу. У меня так долго никого не было.

– Попытайся не думать об этом...

Из глаз азоля покатались слезы отчаяния. Неужели это все? Неужели конец?

– Извини, – тихо сказал Антон.

– Ничего страшного.

Они замолчали, неловко глядя в потолок.

– Ты останешься у меня на ночь? – осторожно спросил Антон.

– Надеешься на утренний секс?

– Немного. Так ты останешься?

– Останусь.

Ульяна встала с кровати, надела его рубашку и пошла в туалет. Вцепившийся в ее ногу азоль мирно спал, не обращая ни на что внимания. Безумные танцы этого беспокойного существа были закончены.

Полина Добронравова вспоминала Антона, хотя расстались они больше года назад. Вспоминала даже с другим мужчиной. Особенно с другим... Сравнивала. Антон был отвратительным любовником, но хорошим другом. Глеб Гуров был хорошим любовником, но отвратительным другом. К тому же он был старше почти на пятнадцать лет – никакого будущего, лишь танцы плоти, к которым снова и снова склонял Полину азоль. Именно этот азоль убедил Полину бросить Антона ради альковных тайн и безумных танцев. И азоль ликовал. Ликовал больше года. Но что-то изменилось.

– Думаю, нам больше не стоит встречаться, – сказала Полина Глебу Гурову.

Она ждала удивления, но тот лишь пожал плечами. Азоль возле ее ног встрепенулся и настороженно зашевелил ушами.

– Если передумаешь, ты знаешь, где меня найти, – сказал Глеб.

– Я не передумаю.

Чувствуя недоброе, азоль завертел головой, пытаясь отыскать причину происходящего. Его волнение передалось хозяйке. Азоль начал поглаживать ее ноги, умоляя станцевать еще один танец.

– Ну мне, пожалуй, пора, – сказала Полина.

Глеб Гуров кивнул. Азоль испуганно замер, прижался к ногам хозяйки.

Безликий силуэт, окутанный ореолом бледно-голубого свечения, проявился из пустоты. Его суровый взгляд, устремленный на азоля, заставил уродливое существо задрожать. Полина чувствовала, как проходит волнение, чувствовала уверенность в том, что расстаться с Глебом было верным решением. И безликий силуэт возле нее становился все более и более материальным. Он схватил азоля за горло, заставляя его оставить Полину. Азоль сопротивлялся, сопел, скрипел зубами. Люди прощались, а два невидимых для них существа продолжали свою борьбу. Но сегодня у азоля не было шансов. Окутанный бледно-голубым ореолом силуэт сильнее сдавил его горло.

Азоль заскулил, признавая поражение. Традж был слишком силен, но даже ему не под силу было лишить это уродливое существо жизни – лишь напугать. Когда из глаз азоля потекли слезы, традж подошел к Полине и сказал, что пора уходить.

– Пора уходить, – повторила она его слова Глебу Гурову.

Оставшись без хозяина, азоль тихо заскулил и покосился на изгнавшего его траджа, затем неловко подпрыгнул, упал, распластавшись на брюхе, и пополз к Глебу Гурову. Но маленькому мохнатому уродцу не везло в этот вечер. Безликое существо рядом с Глебом вздрогнуло, проснулось, вспыхнуло бледно-розовым свечением, почувствовав опасность.

Традж Полины воззрился на своего злейшего врага – бульвайка. Оба они заботились о своих подопечных, каждый по-своему. Если в природе траджа было помогать человеку отыскивать цели и надежды внутри себя, то бульвайки помогали людям находить цели вовне. Человек, рядом с которым находился бульвайк, становился завистливым, ему всегда всего было мало, он всегда хотел большего, стремился к этому, прилагал все силы, что у него были, наполняя свою жизнь стремлением и внешним смыслом. Что же касается людей, рядом с которыми находились траджи, они были аморфны, спокойны, их устраивало положение дел, они радовались тому, что у них уже есть, и редко помышляли о чем-то большем, если, конечно, рядом не появлялся бульвайк. Так начиналась та самая многовековая борьба траджей и бульвайков, исход которой предугадать было невозможно.

Традж Полины не знал, что бульвайк Глеба Гурова уже послал к девушке своих соплеменников. Не знала этого и Полина, не чувствовала. Лишившись азоля, она мечтала лишь об одном – исправить ошибки молодости.

– Ты все правильно делаешь, – говорил традж, когда она позвонила сестре Рите и договорилась встретиться. – Тебе скоро двадцать пять. Нужно браться за ум, строить свою жизнь. Кто, как не старшая сестра поможет и даст совет...

Именно так и сказала Полина при встрече.

– Ты хочешь, чтобы я познакомила тебя с женщиной? – растерялась Рита.

Она долго мерила подозрительным взглядом сестру, с которой в последние годы почти не виделась, не общалась. Два траджа, Риты и Полины, смотрели друг на друга так же недоверчиво. Но в отличие от сестер им не нужны были уловки. Они делились друг с другом всем, что знали о своих подопечных, их сокровенными тайнами и желаниями, чтобы впоследствии уберечь эти хрупкие судьбы. И ради того, чтобы мечта человека, рядом с которым они находятся, продолжала жить, каждый из них готов был на что угодно. Любой обман, любая хитрость, лишь бы уберечь человека от крушений надежд, от боли, от страданий, которые сулит ему действительность... Но у траджей всегда был противник – бульвайк.

Он появился, когда Полина вернулась домой – бледно-розовый силуэт, вспыхнувший рядом совершенно внезапно, заполнив сознание гордыней.

– С такой внешностью, как у тебя можно получить гораздо больше, чем есть у твоей сестры, – сказал бульвайк.

Полина задумалась на мгновение, вспоминая семью Риты, затем осторожно кивнула. Находившийся рядом традж молча взирал на противника, уступив первый ход.

– В твоём возрасте у твоей сестры уже были муж, дети и свой дом, – сказал бульвайк.

– Зато ты свободна, – возразил ему традж. – Ты независима. Ты вольна поступать так, как ты хочешь. А она нет.

– Но ты можешь иметь все то, что имеет сестра.

– У тебя и так уже все есть.

– Но у нее есть больше! Вот почему она смотрит на тебя сверху вниз. Всегда смотрела и будет смотреть.

– Она просто переживает за тебя.

– Ты красивее ее, и она завидует тебе...

– Чему завидовать? Я все еще живу с родителями, – тихо сказала Полина.

– И они любят тебя больше, чем сестру, – сказали традж и бульвайк в один голос.

– Но всегда приводят ее мне в пример, – грустно подметила Полина.

Она выключила свет и легла в кровать. Традж и бульвайк молчаливо замерли возле нее, позволяя заснуть и не мучиться всю ночь. Как-никак они оба заботились о ней, только каждый делал это по-своему.

Глеб Гуров не вспоминал Полину. Если молодая любовница решила расстаться, так тому и быть. Он уже давно получил от нее все, что хотел. Получил от ее тела. Как человек она его не интересовала. Молодая и глупая. Именно так говорил ему бульвайк. Говорил намного раньше, чем Полина решила поставить крест на этих отношениях. Говорил, потому что заботился о Глебе, оберегал его, заранее предвидя финал этой истории. Благодаря этому сейчас, когда Полина вычеркнула себя из его жизни, Глеб Гуров не остался один. У него была Лизавета Степченко – зрелая замужняя женщина из высшего общества, куда Глебу Гурову путь был закрыт. Но именно это и подкупало в Лизавете – красота, высокое положение, ум. Эта женщина могла выбрать себе в любовники кого угодно, но выбрала его. Об этом говорил ему бульвайк по несколько раз на дню, заставляя гордиться собой. Но потом этого стало мало. Мало для бульвайка. Мало для Глеба Гурова. Несколько раз в месяц Лизавета приходила к нему домой, проводила с ним пару часов, а затем исчезала в вечерних сумерках.

Встречи с Лизаветой несли нечто большее, чем мог себе представить Глеб Гуров. Каждую проведенную с ней ночь он чувствовал себя другим человеком, понимал это, но не мог объяснить. Что-то менялось внутри него, словно какая-то часть его беспокойного сознания ретировалась при виде этой женщины. Это происходило потому, что находившийся рядом с Лизаветой демон делал бульвайка беспомощным, лишал его сил. И даже после, когда демона не было рядом, бульвайк долгое время оставался слабым. Что до демона, то он даже не замечал существо. Для него это был не более чем безликий силуэт, ореол которого неизбежно погаснет. Ни один традж, ни один бульвайк не мог в одиночку противостоять ему. Опекаемый ими человек неизбежно оставался один. Таково было положение вещей. Там, где жили ангелы и демоны, не было места траджам и бульвайкам.

Но бульвайк Глеба Гурова не собирался сдаваться. Он сам выбрал эту женщину, потому что рядом с ней был демон. Выбрал, желая испытать себя. Испытать весь свой род. Он жаждал борьбы и собирал для этого соплеменников, приводил их к Глебу Гурову. И вместе они строили план грядущего сражения, надеясь, что беспечность демона сыграет с ним злую шутку.

Это был дерзкий замысел, который сводил Глеба Гурова с ума. Бульвайки превратили его в пешку. Их собиралось все больше и больше. Они шумели и галдели. В голове творился хаос. Чем настойчивее Глеб Гуров пытался не думать о Лизавете, тем больше мыслей о ней заполняло его сознание. Он вспоминал ее, когда ехал на машине, вспоминал, когда ложился спать, вспоминал во сне. Она была повсюду. Слишком многое напоминало о ней. Здесь они познакомились. Здесь она сидела, когда он сделал ей первый комплимент. Здесь они занимались любовью. Здесь просто молчали, потому что это был один из тех моментов, когда слова совсем не нужны...

Глеб Гуров понимал, что она никогда не будет принадлежать только ему, что он для нее всего лишь увеселительный аттракцион, посетить который можно в свободное время, но... В памяти всегда всплывало что-то нежное, теплое, чувственное, убеждая его, что он нужен ей. В конце концов Глеб Гуров запутался. Пытаясь разобраться в себе, он зашел в тупик и там отыскивал новое объяснение, почему он не может не думать о Лизавете. Он не любил ее – это факт. Воспоминания о ней грели сознание, но в то же время, они затрагивали самолюбие. Она смеялась над ним, использовала его и делала это с целью, понятной лишь ей одной. Глеб Гуров спрашивал себя, что мешает ему просто забыть ее, вычеркнуть из своей жизни, как одну из тех, что были прежде. Это чувство сжигало изнутри. Ему мало было уйти в тень, мало было оставить Лизавету одну. Он хотел отомстить ей, заставить ее чувствовать тоже,

что чувствует он – унижение, предательство. Иногда Глеб Гуров спрашивал себя, что будет потом, после того как ему удастся реализовать задуманное. Ответ всегда был один – тогда, возможно, он простит Лизавету.

Сражение с демоном предстояло не только Глебу Гурову и его бульвайкам. Полина еще не знала, но впереди, на расстоянии всего пары дней после встречи с сестрой, девушку ждал ее собственный демон. Коварный, изощренный, хитрый и древний. Демон, который принадлежал старшему брату Патрика Стэплтона. Полину познакомила с ним сестра, сказав, что он представляет в России филиал известной фармацевтической компании. Конечно же, речь шла о Патрике. О Дерекке Рита вообще не знала – так, по крайней мере, она сказала Полине. Он жил в доме Патрика. Вернее не жил, нет. Патрик сказал, что брат иногда ночует у него. Этот странный брат. Дерек. Полине нравилось это имя. Она не знала почему, но в нем была какая-то тайна. Как и взгляд Дерекка. Глаза темные, хищные, цепкие. Резкие черты лица, средний рост. Он был совсем не похож на брата, скорее его противоположность – сам Патрик говорил об этом. Говорил еще до того, как Полина увидела Дерекка. До того как он очаровал ее.

Они встретились возле дома Патрика почти в полночь. Полина ждала такси, чтобы отправиться домой. «Никакой близости в первый месяц, – говорила ей сестра. – Только ужин, только общение». Тогда-то и появился Дерек. Ворвался в эту безмятежную тишину и ночную прохладу, вспоров их килем своего черного купе. Машина не была спортивной, но Полина чувствовала, как от нее буквально пахнет сексом, небрежно подчеркнутой гетеросексуальностью. Так же пах и хозяин черного купе – Дерек.

– Не знал, что у тебя появилась девушка, – сказал он брату на неплохом русском, затем смерил Полину оценивающим взглядом, посмотрел на часы. – Помоги мне понять, – попросил он ее. – Уже поздно или еще слишком рано?

– Мы ждем такси, – сказала Полина.

– Значит, уже поздно, – Дерек сухо улыбнулся. – Что ж, отложим знакомство на потом, – он шагнул вперед, оказавшись между Полиной и Патриком, замер. – Хотя у меня есть идея... – Дерек нахмурился, затем неожиданно заглянул Полине в глаза. – Как ты думаешь, мой брат не обидится, если я подвезу тебя?

Полина не ответила. Лишь смотрела ему в глаза, вдыхала его запах. Где-то далеко, словно в другом мире, Патрик сказал, что они уже вызвали такси.

– Такси можно послать к черту, – сказал Дерек, продолжая смотреть на Полину.

Она видела, что ему плевать на брата. Плевать на то, с кем он встречается. Главным для Дерекка был его собственный интерес. А сейчас он был заинтересован Полиной, не особо пытаясь это скрыть.

– Думаю, ничего страшного не случится, если он подвезет меня, – сказала она Патрику. – Он ведь твой брат, верно.

* * *

Когда Полина села в машину Дерекка, охранявшие ее традж и бульвайк не смогли последовать за ней. Присутствие демона забрало их силы, но не лишило воли. Они не боялись демона, но знали, что даже объединившись, не смогут противостоять его силе. Им нужна была помощь. Больше траджей. Больше бульвайков.

Они встретили Полину сразу, едва она вернулась домой. Успокоили, убедили принять игру, которую навязал ей демон Дерек. Они говорили до тех пор, пока она не уснула, окруженная этими заботливыми существами.

Пять безликих силуэтов, окутанных бледно-голубым ореолом, безмолвно взирали на полукруг бульвайков, выстроившихся напротив. И каждый был готов ринуться в бой, у каждого был свой хитроумный план. И каждый верил, что демоны не могут побеждать вечно. Однажды один из них просчитается. И если бы траджи и бульвайки умели надеяться, то каждый из них надеялся бы на то, что скоро наступит именно такой день.

* * *

Рассказ сестры о ночной поездке с Дерекком Стэплтоном Рита слушала молча. Слушала и одобрительно кивала. Она поморщилась лишь однажды, когда Полина сказала, что они договорились встретиться с Дерекком и поговорить о его младшем брате.

– А ты не думала, как к этому отнесется сам Патрик? – спросила Рита.

– А что Патрик? Между нами ничего нет.

– И не будет, если ты станешь продолжать вести себя подобным образом.

– По-моему, ты что-то недоговариваешь. Кто такой Дерек? Что ты о нем знаешь?

– Ничего.

– Тогда почему отговариваешь меня от встречи с ним?

– Не хочу, чтобы ты снова наделала глупостей.

– Каких глупостей? Дерек – брат Патрика, он пригласил меня пообщаться. Разве это глупости? К тому же он, в отличие от своего брата, очень хорошо говорит по-русски, с ним веселее.

– Я вижу, тебе с ним веселее, – Рита тяжело вздохнула. – И зная тебя, могу предположить, чем все закончится.

– Я не имела в виду ничего такого. Это просто симпатия.

– Я так не думаю.

Рита долго смотрела сестре в глаза, затем сказала, что если их вновь обретенная дружба хоть что-то значит для нее, то Полина откажется от этой встречи.

* * *

Полина осталась ночевать у сестры. Решение далось с трудом. Никогда прежде она не встречалась с иностранцами. Знала нескольких, но очень поверхностно. Впрочем, нечто подобное она испытывала сейчас в отношении Патрика Стэплтона, но вот его брат... Понимание, что где-то там ее ждет странный, таинственный Дерек в черном, сексуальном до неприличия купе, лишило ее сна. В комнате было слишком тихо и темно, чтобы отвлечься от этих мыслей. Оберегавшие ее существа хотели помочь, дать нужный совет, избавить от бремени тяжелых мыслей, но предвкушение борьбы с демоном не позволяло им сделать этого. Слишком многое было поставлено на карту. Но противиться своей природе было не так просто. Особенно когда рядом злейшие враги, которых можно победить, успокоив Полину. Тогда она выберет одних и отвергнет других. Но кто это будет: траджи или

бульвайки? Искушение нарастало, усиливалось по мере того, как тяжелых мыслей Полины становилось все больше и больше. Предстоящая борьба с демоном начинала уступать место внутренней борьбе окруживших ее существ, слишком непримиримой, чтобы объединять свои силы на длительный период, пусть даже и с одной общей целью.

* * *

Полина чувствовала на себе взгляд Дереха. Несмотря на толпу в это воскресное утро и Патрика, развлекающего ее пустыми разговорами, она чувствовала, как Дерек смотрит на нее. Его темные глаза прожигали ей спину. Она не знала, чего он хочет. Не знала, чего хочет сама. Она просто стояла рядом с Патриком, и не могла думать ни о чем другом, кроме этого пристального взгляда. Ей хотелось обернуться, убедиться, что Дерек все еще там, а его внимание не плод воображения.

– Я отойду ненадолго, – сказала Полина Патрику.

Она шла сквозь людей, наводнивших парк, убеждая себя, что направляется в туалет, а вовсе не ищет встречи с Дерехом, но это было не так. Ее вели вперед траджи и бульвайки, бросившие вызов коварному демону. Вели к Дереху.

– А ты настойчив, – сказала ему Полина.

– А ты нерешительна, как твоя сестра.

– Вы разве знакомы с ней?

– Спроси об этом ее.

– Она сказала, что не знает тебя.

– А что думаешь об этом ты?

– Думаю, она соврала.

– Вот видишь, вы с ней похожи.

– Ты обиделся на то, что я не пришла?

– Я разочарован.

– Я хотела прийти, но Рита сказала... – Полина замолчала, увидев улыбку на губах Дереха.

«Он сейчас уйдет, – подумала она. – Развернется и уйдет. И все потому, что я послушала сестру. Первый раз в жизни послушала и...»

– Дай мне еще один шанс, – попросила Полина Дереха. – Хотя бы полшанса...

* * *

Отель за городом был дешевым, но тихим, словно в нем никто не жил. Двор освещался плохо. Лишь в паре номеров горел свет. «Если сестра узнает, что я была здесь, то убьет меня», – подумала Полина. Однако отступить было поздно. Она нашла номер, где должен был ждать ее Дерек, и постучала. Никто не ответил. Дверь была не закрыта. Полина заглянула внутрь.

– Дерек?

Тишина. В комнате было темно и холодно. Выключатель не работал, лишь с улицы лился желтый свет одинокого фонаря. В номере не было ничего, кроме кровати и тумбочки.

Никого. Полина испугалась, что неправильно расслышала время встречи. Заломив руки, она замерла посередине комнаты, не зная, что делать теперь.

– Он не придет, – не выдержало длительного молчания одно из безликих существ, окруживших ее. – Он просто посмеялся над тобой, – бледно-розовый силуэт бульвайка вспыхнул ярче, затмевая остальных. – Ты не должна унижаться! Разворачивайся и уходи!

– Нет. Ты должна дождаться его, – сказал один из траджей, все еще надеясь, что это маленькое войско сможет удержать строй перед битвой с демоном Дереха.

– Да, обязательно дождись! Он лучше, чем этот слюнтяй Патрик! – подхватил еще один бульвайк.

– С Патриком ты будешь счастлива! – вмешался кто-то из траджей.

– Он скоро станет таким же влиятельным, как муж твоей сестры! – голос еще одного траджа.

– Но ведь можно подыскать кандидатуру и получше! – кто-то из бульвайков.

– Патрик лучший из всех, кого ты встречала. Ты не должна находиться здесь!

– Ты никому ничем не обязана. Ты вольна делать то, что захочешь...

Голосов стало слишком много. Траджи и бульвайки наперебой пытались что-то доказать Полине. И если вначале она еще могла разобрать хоть что-то, потом все эти голоса превратились в шум, стучавший в висках. От этого не было спасения.

– Над тобой просто посмеялись! Выставили полной дурой. Только посмотри на себя! – наперебой звучали в голове голоса бульвайков.

– Сейчас же домой! У тебя и так уже все есть, зачем искать что-то большее? – вторили бульвайкам траджи, не в силах найти согласия даже между собой.

Спасаясь от этого гомона, Полина выбежала на улицу. Но голоса следовали за ней. Ничто не могло остановить их, заставить замолчать. Ничто, кроме них самих. Безликие существа разрывали сознание Полины противоречиями и с каждым новым словом, которое они произносили, все больше и больше блекли окутывавшие их безликие тела ореолы свечения. Неуступчивые траджи и бульвайки изживали друг друга в своей многовековой борьбе. И девушка, которую недавно они защищали, осталась одна. Голоса в голове стихали, принося тишину.

Недалеко от родительского дома Полина увидела знакомое черное купе. Дерек стоял возле машины и ждал ее. За его спиной стоял демон, ради борьбы с которым возле Полины собралось так много траджей и бульвайков. Но они снова проиграли. Проиграли, не успев вступить в сражение.

* * *

Полина не знала, почему не ушла, почему не послала Дереха к черту. Она хотела разозлиться, хотела высказать все, что думает о нем, но не могла. Все чувства, казалось, выгорели, истлели, а слова потеряли смысл.

– Ты хотя бы собирался прийти в тот отель или просто издевался? – устало спросила Полина.

– Я был там, – Дерек смотрел ей в глаза, изучал, ощупывал взглядом.

– Был? Интересно где?

– На балконе.

- Почему же не вышел?
- Я наблюдал за тобой. Разве тебе не нравится, когда люди смотрят на тебя?
- Нет.
- Значит, ты любишь наблюдать за другими?
- Я не знаю...
- Верно. Никто не знает, пока не попробует, – Дерек жестом предложил ей сесть в машину.
- Куда мы поедem? – спросила Полина.
- В этом городе есть одно место... Немного странное, но тебе, думаю, понравится.
- Снова хочешь меня разыграть?
- Нет. Никаких больше розыгрышей. Теперь все серьезно.

* * *

Дерек отвез Полину на закрытую свинг вечеринку. Полумрак скрывал детали, но Полина видела, как за японскими ширмами мелькают силуэты обнаженных людей. Пахло ладаном и потом. Слышались приглушенные голоса.

- Зачем ты привез меня сюда? – шепотом спросила Полина.
- Потому что никто другой не сможет сделать для тебя этого, – сказал Дерек.
- Откуда ты знаешь, что я этого хочу?
- Все этого хотят.

Он приоткрыл ближайшую ширму, позволяя Полине увидеть клубок сплетенных человеческих тел. Желтые языки десятка свечей дрожали, усиливая нереальность происходящего. словно все это сон, забытый языческий ритуал, эхо которого долетело сюда из далекого прошлого. Мужчины и женщины ползали и извивались подобно змеям в гнезде, и Полине начинало казаться, еще мгновение и она увидит, как они сбрасывают кожу.

- Тебе нравится? – шепотом спросил Дерек.

Полина не ответила.

- Хочешь присоединиться к ним? – предложил он.
- Что?
- Тебе хочется оказаться среди них, или же тебе больше нравится наблюдать за ними?
- Я не знаю.
- Я бы хотел посмотреть на тебя среди них.
- А ты?
- Я останусь здесь.
- Могу я остаться с тобой?
- Тебе хочется наблюдать за ними?
- Я же сказала, что не знаю!

– Заставь ее смотреть, – велел Дереку его демон. – Только так ты сможешь убедить ее оказаться среди них. Только так она сможет стать одной из нас. Пусть смотрит. Пусть наслаждается тем, что видит. А потом... Потом ты отведешь ее к Борису... Мастер татуировки знает, что делать.

Несмотря на глубокую ночь, в тату-салоне Бориса былолюдно. Полина не знала, почему согласилась прийти сюда. Возможно, после пропахшей афродизиакком свинг вечеринки она все еще с трудом могла отличить реальность от вымысла. Не смущали даже покрытые татуировками и пирсингом полубоубнаженные люди, которые сновали вокруг. Прямо перед ней на столе лицом вниз лежала девушка. Звуки тяжелой музыки поглощали звук работающей машинки в умелых руках мастера татуировки. С неспешной неизбежностью на бронзовой коже девушки появлялся еще один рисунок. Он разрастался, становился все больше и больше, обретая форму, наливаясь пунцовыми красками. Работа медленно подходила к концу. Полина стояла рядом с Дерекком, крепко держа его за руку, ожидая своей очереди.

– Как думаешь, мне будет очень больно? – спросила она, видя, как по бронзовой коже лежавшей на столе девушки скатилось несколько капель крови.

– Борис говорит, хорошая татуировка – это всегда больно, – Дерек сухо улыбнулся. – Но Борис хороший мастер.

Полина кивнула. Мимо них прошел раздетый по пояс худощавый мужчина. Его тело напоминало один сплошной узор разноцветных цветов. Остановившись возле девушки за соседним столом, он небрежно начал массировать ей левый сосок.

– Что он делает? – спросила Полина Дерекка.

– Сосок онемееет, и ей будет почти не больно, когда он проколлет его.

– Это как прокалывать уши, да?

– Почти.

– А мужчины прокалывают себе соски?

– Некоторые.

– А ты?

– Нет.

– Почему?

– Не было повода.

– У меня тоже не было. – Полина увидела, что девушка, которой делали татуировку, одевается. – Если честно, я немного боюсь, – призналась она. – Как думаешь, на какой ноге лучше сделать?

– Думаю, на бедре будет лучше всего.

– Я надеялась ограничиться маленьким ободком возле ступни.

– К черту ободок.

Дерек развернул Полину к себе спиной и начал раздраженно расстегивать пуговицы ее платья.

Он привез ее домой ранним утром.

– Я думала, между нами сегодня что-то будет, – призналась Полина.

– Не сегодня. – Дерек прикоснулся к ее бедру. – Татуировка болит?

– Не очень, – Полина затаила дыхание.

- Я хочу, чтобы ты до утра не снимала пластырь.
- Почему? Мне же интересно, что у меня там.
- Посмотришь утром.
- Может быть, посмотрим вместе?
- Нет. Если захочешь, покажешь потом.
- Захочу, – заверила его Полина.

Она вернулась домой, закрылась в своей комнате и проспала до обеда. Потом долго лежала в кровати, вспоминая минувшую ночь. Может быть, все это было сном? Но нет, бедро болело, напоминая о татуировке. Полина сняла повязку, желая увидеть рисунок. Но рисунка не было. Только слово. «Шлюха».

– Дура! – разозлилась на себя Полина. – Какая же я дура!

Не зная, что делать дальше, она продолжала стоять перед зеркалом, тупо разглядывая огромную, уродливую надпись на воспаленной коже бедра.

Глава четвертая

Лизавета Степченко боялась этой встречи, избегала ее, откладывала, но знала, что она все равно состоится. Дерек, такой желанный и такой непредсказуемый, стоял напротив, приводя в волнение каждую клетку ее естества. Сколько бессонных ночей прошло в размышлении поддаться желанию тела, и сколько твердых решений было принято о том, что этому не бывать. Связь с Дерексом была слишком опасной. Лизавета понимала, стоит только поддаться искушению, вкусить этот желанный, но запретный плод, и она уже вряд ли остановится. В свои почти сорок ей хватало ума, чтобы понять это. Возможно, именно по этой причине Лизавета позволяла себе редкие встречи с Глебом Гуровом. Она понимала, что рано или поздно привяжется к нему, что в случае их разрыва ей будет не хватать его неловкой нежности и утрата будет весьма болезненной, но это было лучше, чем пустить все под откос.

Семь долгих лет Лизавета жила, каждый день борясь с искушением. Оно то затухало, то вспыхивало с новой силой. Это не было платонической любовью. Лизавета знала, что такое любить. Чувства, которые она испытывала к Дерексу, можно было сравнить лишь с необузданной страстью. Лизавета хотела его с их первой встречи, с момента, когда она впервые поймала на себе взгляд его темных глаз.

Это случилось на одном из приемов, где иностранцев было так много, что у Лизаветы начала болеть голова от многообразия лиц и языков. Дерек пришел с немолодой бизнес-леди из Британии. Женщина подошла поздороваться с мужем Лизаветы. Они разговаривали на английском, и Лизавета не понимала почти не слова. Да и не до этого ей было в тот момент. Молодой спутник британской бизнес-леди пялился на нее так откровенно, что на щеках невольно начинал появляться румянец. Но будь она проклята, если ей не нравился этот взгляд. Мальчишка очаровал ее, не сказав ни слова.

– Здесь балкон с которого открывается роскошный вид на город, – сказал неожиданно Дерек на неплохом, но еще не идеальном в те годы русском. – Если наши спутники не возражают, мы могли бы... – он бросил короткий взгляд на британскую бизнес-леди, увлеченно болтавшую с мужем Лизаветы.

– Думаю, им сейчас не до нас, – улыбнулась Лизавета, взяла Дерекса под руку и позволила отвести себя на балкон.

В тот момент она и думать не думала, что легкий флирт перерастет в одержимость, навязчивую идею видеть Дерекса хотя бы раз в два-три месяца. Ловить на себе его взгляд, вдыхать его запах, прикасаться к нему, проходя мимо, извиняясь за неловкость... Он свел ее с ума. Ее – зрелую женщину. А он – в те годы еще мальчишка. Но в нем была сила, власть. Рядом с ним Лизавета чувствовала свою беспомощность. Дерек обладал загадочной, мистической харизмой, становившейся для большинства женщин наркотиком, отказаться от которого невозможно. Он не сомневался, он всегда знал, что делает. И даже время, казалось, обходит его стороной. Все тот же взгляд, все та же уверенность. Тело крепкое, стройное, как у юноши. Меняются лишь истории, которыми обрастает его персонаж.

Лизавета гордилась тем, что знает многие из них. Словно Дерек проживал часть этой жизни и за нее, совершая то, на что она никогда бы не решилась. И чем больше становилось этих историй, тем сильнее Лизавета хотела Дерекса. И он знал это, говорил об этом при каждой встрече. Ее маленький тайный грех. Ее собственный черноглазый демон, отказаться которому так сложно. Поэтому Лизавета старалась избегать разговоров наедине. Но не

сегодня. Сегодня ей нужно было поговорить с ним, попросить о помощи. Здесь, на званом приеме, среди родных и друзей. Отвести в сторону. Держать за руку. Смотреть в глаза.

– Ты все еще возбуждаешь меня, – сказал Дерек.

– Давай не сейчас, – попросила Лизавета, стараясь держаться холодно.

– Почему? Мы все еще можем сделать то, чего хочется нам обоим.

– Я не хочу этого.

– Я говорю не о тебе. Я говорю о нас.

– Нет никаких нас.

– И не будет?

– Нет.

– Ладно, – Дерек улыбнулся. – Отложим на потом. Зачем еще ты хотела меня видеть?

– Я хочу попросить об одолжении.

– Что получу от этого я?

– Девушку.

– Интересно. Что за одолжение?

– Ты должен сделать так, чтобы она уехала из города. Навсегда. И чтобы никто не захотел ее возвращать. Никто. Понимаешь?

– Она спит с твоим мужем?

– Я могу на тебя рассчитывать?

– Что за девушка?

– Симпатичная.

– Почему ты решила, что она станет размениваться?

– Я сделаю так, что у нее не будет выбора. Я познакомлю вас. Ты пригласишь ее на свидание. Дальше ты сам знаешь, что делать.

– Как насчет девушки, которая будет платой за услугу?

– Дарья и будет этой девушкой.

– Я получу ее в любом случае. Как насчет тебя?

– Что именно ты хочешь?

– Все. Все, что я смогу взять.

– С чего ты решил, что я смогу тебе столько дать?

– И даже больше, – голос Дерека был ровным, как и в начале разговора. – Ты даже не догадываешься, сколько ты сможешь.

Лизавета тянула с ответом, заранее зная, что согласится. Ей нужна была причина, чтобы уступить Дереку, и она ее нашла. Продолжая молчать, Лизавета надеялась, что Дерек, потеряв терпение, предложит что-то другое, но Дерек, к ее сожалению и к ее радости, умел ждать.

* * *

Красота всегда была в цене, нужно было лишь знать, как заставить ее работать. Дарья Козырева знала. Из всего многообразия ценностей, которые мог предложить мир, она больше всего любила две: себя и деньги. Начавшиеся около года назад отношения между ней и мужем Лизаветы сулили щедрые дивиденды, поэтому она трепетно охраняла эту интимную связь. Роберт Степченко устроил ее на работу, оплачивал расходы, снимал жилье. Он не

требовал от нее верности, но Дарья знала, что если Роберт встретит ее в компании другого мужчины, то сразу найдет себе другую – благо желающих хоть отбавляй. Поэтому она хранила ему верность – это не было проблемой. По крайней мере, не такой проблемой, как жена Роберта. Иногда Дарье казалось, что Лизавета что-то подозревает. Дарья присматривалась к ней, оценивала, но каждый раз приходила к выводу, что это не более чем ее необоснованные страхи – ведь они пересекались так часто: на работе, приемах, встречах. Обычно они никогда не разговаривали, только сухо здоровались, но в этот вечер все произошло с точностью до наоборот.

Дарья с трудом понимала, как она оказалась рядом с Лизаветой (или же Лизавета рядом с ней?) и как между ними произошла весьма милая, если не сказать дружеская для посторонних глаз беседа.

– Я так сочувствую тебе, – сказала Лизавета. – Ты так много работаешь, ни с кем не встречаешься...

– Для меня это не главное, – осторожно ответила Дарья, ожидая подвоха.

– Согласна, но люди...

– Я пытаюсь жить для себя. Мне нравится проводить вечера перед телевизором, рано ложиться спать. Можешь считать, что я люблю одиночество.

– Всем людям нужно общение.

– У меня есть кошка.

– Я не об этом. Разве тебе никогда не хотелось завести семью или же просто подарить свою красоту какому-нибудь мужчине?

– Я подумаю об этом.

– Я слышала, у тебя роман с кем-то из сотрудников нашей организации. Это так?

– Нет. Я одна, – Дарья неловко засмеялась.

– Как я тебя понимаю! – Лизавета тяжело вздохнула. – К сожалению, бывает сложно кому-то объяснить подобное. У нас подобралась очень теплая компания на производстве. Люди привыкли доверять друг другу. Подобные слухи негативно сказываются на работе. Понимаешь, о чем я? Здесь мало исполнять свои должностные обязанности, нужно еще ладить с коллективом. Представляешь, каково замужним женщинам, которые станут подозревать тебя в связи с их мужьями?

– Я не была замужем.

– Я замужем уже десять лет. И знаешь, я бы в порошок стерла соперницу, но не позволила, чтобы мой брак распался.

– По-моему, это личный выбор мужчин.

– Правда? – Лизавета грустно улыбнулась. – По-моему, тебе нужно начать с кем-то встречаться, чтобы слухов о том, что ты спишь с замужним мужчиной, больше не было.

– Я подумаю об этом.

– Я помогу тебе. Молодость и красота не должны пропадать зря. Тебе стоит научиться пользоваться этим. – Лизавета склонилась к уху Дарья. – Я знаю одного богатого иностранца...

– Ну иностранцами сейчас никого не удивишь, – снисходительно улыбнулась Дарья. – Особенно в нашей фирме.

– Согласно, но не все они мечтают о свидании с тобой.

– О свидании?

– Да. Думаю, одно свидание тебя ни к чему не обяжет, к тому же наши сотрудники

увидят, что ты с кем-то встречаешься. Ты же хочешь, чтобы сплетни поутихли?

– Я просто хочу здесь работать.

– Поэтому ты должна согласиться. – Лизавета указала ей взглядом на Дереха. – Как тебе этот тип?

– По-моему, слишком костляв.

Дарья не знала, что делать. Ей казалось, что любое слово сейчас выступит против нее, что Лизавета все знает, и в каждой ее фразе скрыт какой-то намек.

– Ты думаешь, мне стоит с ним встретиться? – спросила Дарья, решив, что если она согласится, то, возможно, это позволит ей выиграть время, а если повезет, то, узнав о том, что она встречается с кем-то, Лизавета и вовсе забудет о ней.

– На твоём месте я именно так и поступила бы. – Лизавета сухо улыбнулась.

– Хорошо. – Дарья попыталась выдавить из себя улыбку. – Я поступлю так, как ты говоришь, – она снова посмотрела на Дереха, проклиная неудачно складывающийся вечер. – Ты познакомишь нас?

– Он назначит тебе встречу. Тогда и познакомитесь.

Лизавета оставила Дарья одну. Она уходила, расправив плечи, на губах ее играла улыбка. Преследовавший Лизавету демон безмолвно шел позади. Началась еще одна игра. Действо, сценарий которого не был спланирован. Демон Дереха был достойным противником, и переиграть его крайне сложно. Но дело было не только в этом. Другой персонаж спутал все планы. Ангел. Расправив крылья, он стоял позади Дарьи, готовый к игре. Красота была способна на многое, ангел знал это. Кто, как не он, мог грамотно распорядиться этим оружием. Тот, кто за свою долгую жизнь понял, что красота способна разрушать империи и свергать правителей, тот, кто был создан для того, чтобы превратить красоту в грозное оружие, отыскать источник и направить его в нужное русло, написав еще один сценарий чьей-то жизни.

* * *

Полина пришла к Антону за помощью – никому другому она не доверяла, да и не было больше таких, как Антон, особенно среди ее бывших.

– Зачем ты это сделала? – растерялся он, когда она показала ему татуировку.

– Не спрашивай.

– Почему «шлюха»?

– Вот в этом-то и проблема! – Полина раздраженно взмахнула руками. – Я знаю, ты интересовался одно время татуировками, как думаешь, можно что-нибудь с этим сделать? Как-нибудь свести или что еще?

– Не знаю. Она слишком большая, чтобы ее свести, – Антон шумно выдохнул, пытаясь собраться с мыслями. – Я могу ошибаться, но такое чувство, что это незаконченный рисунок.

– Что значит «незаконченный»?

– Линии. Они либо слишком четкие, либо их практически нет. И цвета, посмотри сама.

– Не хочу смотреть. Не могу уже смотреть. Просто скажи, что от этого можно избавиться. Пожалуйста.

– Свести такой большой рисунок точно не удастся, если только попытаться перекрыть его другим, но я не знаю, что из этого получится.

- Черт с ним, лишь бы не было этого слова.
- Цвет слишком яркий. Можно сделать только хуже, к тому же мы не знаем ничего о составе краски. Ты запомнила место, где тебе делали татуировку?
- У меня нет ни малейшего желания возвращаться туда.
- Запомнила или нет?
- Нет.
- Узнать тоже не у кого?
- Нет.
- Ты что пришла туда одна?
- Нет, но спрашивать у него адрес я тоже не стану.
- Почему?
- Пошел он на хрен!
- Понятно. В таком случае могу показать тебя паре знакомых. Они разбираются в этом лучше меня. Может, что придумают.
- Мне обязательно будет идти с тобой?
- Татуировка на твоём бедре, не на моем.

* * *

Салон назывался «Веселый пирсинг у Саргиса».

- Я видела, как девушке прокалывают соски, – вспомнила Полина. – По-моему, это отвратительно.
- Кто-то также говорит о татуировках, – улыбнулся Антон.
- Не смешно, – Полина нахмурилась. – А этот Саргис, он никому не расскажет?
- Поверь, ты его не удивишь.
- Они вошли в пропахшее спиртом и краской небольшое помещение. Саргис был молодым, невысоким и худощавым армянином. Не будь он мастером пирсинга и татуировки, то его можно было самого выставлять на витрину салона в качестве рекламы.
- Свести ее не удастся, – заявил Саргис, лишь мельком взглянув на татуировку Полины.
- Это я уже слышала, – она с обидой посмотрела на Антона. – Может, попытаться перекрыть другой?
- А чем тебе не нравится эта? – засмеялся Саргис.
- Мы вообще-то пришли за помощью, – напомнил ему Антон. – Скажи, можно перекрыть этот рисунок?
- Не знаю, – Саргис достал несколько книжек. – Этот рисунок словно специально сделан так, чтобы его невозможно было перекрыть. Ни одну из известных мне татуировок не удастся нанести поверх этой. Вот, посмотрите сами, – он протянул книгу Антону.
- Может, поискать что-то другое? – предложил Антон.
- Это самые темные. Другие вообще не подойдут. Будет только хуже.
- Да наплевать, как будет! – всплеснула руками Полина. – Лишь бы не было этого слова.
- С таким же успехом ты можешь вылить себе на бедро флакон кислоты, – сказал Саргис.
- Кислоты? – Полина на мгновение задумалась. – Ты представляешь, какой будет потом шрам?

– А ты думаешь, будет лучше, если я тебе закрасшу черной тушью эту надпись? – Саргис подошел, чтобы лучше рассмотреть татуировку. – Странный какой-то рисунок. Не пойму. Его словно не доделали.

– Мне тоже так показалось, – согласился Антон. – Я уже около часа думаю, что бы это могло быть, но в голову ничего не приходит.

– Мне тоже, – Саргис попросил Полину отойти чуть подальше. – Это явно незаконченный рисунок. Вот только что? Кто его делал?

– Она не помнит.

– Придется вспомнить. Если кто и сможет что-то исправить, то только тот, кто сделал эту татуировку.

* * *

Лизавета ужинала с мужем и вспоминала Дарью Козыреву. Сколько времени Роберт уже содержит эту девчонку? Год? Больше? Неужели за это время он еще не пресытился ее телом? Или же здесь что-то другое? Неужели этот старый дурак Роберт влюбился? Лизавета вспомнила, как Дарья смотрит на нее. Этот взгляд подобен пощечине. Но ликовать юной бестии осталось недолго.

– Рано радуешься, – сказал Лизавете преследовавший ее демон. – Дерек сделает свое дело и придет за наградой. Ты не сможешь оставить этот долг непоплатенным. У него на тебя свои планы.

– Я буду внимательна.

– Одного внимания будет мало. Ты должна заставить его играть по твоим правилам.

– Это не так просто сделать.

– Против Дерекы всегда можно использовать Глеба Гурова.

– Глеба Гурова? – Лизавета мечтательно прикрыла глаза. – Не надо трогать Глеба Гурова.

Тем более не надо сталкивать их с Дерекком.

– Сейчас не время думать о чувствах, – холодно сказал демон.

– Сейчас я вообще не хочу ни о чем думать, – призналась Лизавета.

Демон покорно замолчал. Его терпение не знало границ. План был слишком обширен, чтобы доносить его суть до человека. Иногда нужно уметь ждать, чтобы противник сделал ход. Поспешность редко приносит результат. В особенности теперь, когда сценарий не дописан, а персонажам предстоит импровизировать.

Иногда преследовавший Лизавету демон посещал ее супруга. Его советы были бесценны, а присутствие отпугивало траджей, бульвайков и азолей, не позволяя поселиться в сознании Роберта гордыне, глупости, сомнениям, похоти. Благодаря этому Роберт твердо стоял на ногах, продвигаясь вперед. Его растущее состояние благотворно сказывалось на планах демона относительно Лизаветы. Чем выше поднималась она, тем насыщеннее становилось действие. Демон готов был помогать Роберту до тех пор, пока планы Роберта не встанут на пути Лизаветы и ее демона.

Глава первая

В отделе Дмитрия Сотникова был переполох. Никто не говорил в открытую, но все знали, что грядут перемены. Ходили слухи о массовых увольнениях и даже смене руководства. Напряжение висело в воздухе. И каждый пытался любой ценой обезопасить себя, свое место.

Когда Дмитрий Сотников сказал Ольге Новиковой о том, что среди ее коллег есть те, которые позорят отдел, она сразу подумала об Андрееве. Подумала потому, что долгое время прикрывала его. Теперь она корила себя за это. Андреев привык к поблажкам и уже не просил, а требовал от нее помощи. Он знал, что помогая ему, она так же увязла в этой трясине, как и он сам. Так что в каком-то роде это были уже не просьбы, это был шантаж. Ольга не знала, почему он поступает с ней так, пыталась несколько раз поговорить с ним, но в итоге поняла, что единственный способ сохранить репутацию – избавиться от Андреева. Его уволят, и все, что она сделала для него, забудется. Главное рассказать о проступках Андреева так, чтобы Сотников не заподозрил ее в пособничестве...

Сотников не заподозрил. Заподозрила его жена, Светлана, и не только в пособничестве.

– Ты должен уволить их обоих, – сказала она мужу.

– Обоих?! – растерялся Сотников.

– Ольга явно как-то связана с Андреевым, – спокойно пояснила Светлана. – Подумай сам, откуда она может столько знать про него? Не удивлюсь, если они любовники.

– Любовники? – Сотников на мгновение почувствовал себя преданным, оскорбленным.

– Я даже уверена в этом, – Светлана незаметно улыбнулась. – Я женщина и кому, как не мне, понять мотивацию другой женщины. Копни чуть глубже и отыщешь много доказательств моих слов.

– Ты думаешь, стоит копать глубже?

– Думаю да. Скорее всего, Ольга подыскала кого-то получше, а Андреев не хочет отпускать ее, либо она боится огласки. Если уж Ольга начала рассказывать об Андрееве тебе, у нее явно большие планы на нового любовника.

– Большие планы?

– Иначе зачем ей так суетиться? Ради тебя? Сильно сомневаюсь, если, конечно, она не спит и с тобой, – Светлана хитро прищурилась. – Ведь нет?

– Что?

– Она не спит с тобой?

– Кто?

– Ольга.

– Ольга? – Сотников похолодел, затем неловко попытался изобразить обиду.

– Извини, – Светлана с трудом сдержала улыбку. – Просто забочусь о том, чтобы твоя карьера не пошла под откос. Представь, что будет, если прокурор узнает о том, что ты спишь с Новиковой, которая связана с тонущим Андреевым. Как ты думаешь, долго тебе быть начальником отдела после этого?

Светлана дала ему время все обдумать.

– Избавься от них обоих, – сказала она, устав смотреть, как Сотников нервно кусает губы. – Даже если Ольга рассказала тебе все из чистых побуждений. Уволь их обоих. Иначе слухи не дадут тебе спокойно работать. Сделай то, что я тебе говорю, и через полгода никто

не вспомнит о том, кто такая Ольга.

* * *

Оксана не могла сдержать улыбку, наблюдая, как мать готовится к свиданию с Давидом Джанибековым. Клара нервничала и суежилась, словно вновь стала подростком. Даже азоль, который вертелся у ног ее дочери, поскакал следом за Кларой, предвкушая пиршество танцев в эту ночь. Он был глуп и примитивен. Демон Давида Джанибекова смотрел на него, зная, что может разорвать в любое мгновение, но сегодня был великодушен. Его марионетке-прокурору нужен был отдых. Он лишь следил, чтобы азоль не остался с Джанибековым, когда все закончится.

– Теперь эта женщина и ее дочь обязаны тебе, – сказал демон прокурору. – Клара понимает это и сделает все, о чем ты ее ни попросишь. Но у этой женщины ничего нет, кроме стареющего тела. Оно будет принадлежать тебе до тех пор, пока ты не устанешь от него, а когда это произойдет, Клара все поймет и отойдет в сторону. Ее время подходит к концу. Другое дело ее дочь. Она молода, перспективна, уверена в своих силах. В умелых руках она сможет добиться многого. Она обязана тебе. Не дай ей забыть об этом. Наблюдай за ней. Ее долг перед тобой тебе еще понадобится.

Чуть позже Клара ушла. Давид Джанибеков проводил ее до дверей. Ночной воздух был необычайно свеж. Клара махнула любовнику рукой, забралась в сырое такси и вернулась домой.

Оксана спала в своей комнате. Какое-то время Клара смотрела на дочь, затем осторожно прикрыла дверь и прошла в ванную. Вертевшийся возле ее ног азоль остался в комнате Оксаны. Ему снова хотелось танцев, еще более диких и безудержных, а кто, как не Оксана, мог предоставить ему такую возможность. Ее тело было молодым и крепким. Рядом с ней азоль мог не ограничивать себя. А когда она станет похожей на мать, он найдет себе новую хозяйку – молодую и способную удовлетворить его неумный аппетит.

* * *

Но не все азоли были счастливы в эту ночь. Например, тот, что принадлежал Аристарху, не мог заснуть. И дело было вовсе не в отсутствии страсти у его хозяина. Страсть была, была и нежность, были желания и потребности. Аристарх был таким же, как и все, с той только разницей, что вертевшийся возле его ног азоль не имел над ним той магической власти, которой он обладал над другими. Аристарх просто не замечал его, и азоль мог только наблюдать. Не способный заснуть и не способный покинуть своего жестокого хозяина. Оставалось лишь смотреть и пускать слюни.

Но азоль не был одинок. Словно в насмешку, судьба послала ему линка, который светился, даже когда Аристарх находился рядом с другой девушкой. Он заставлял его вспоминать Оксану. Глупый примитивный линк. Этот сгусток света думал только о том, что где-то есть родственник ему линк, которого он больше всего хочет увидеть. Других желаний у линка не было. Наполняя человека, рядом с которым был обречен находиться до конца своей недолгой жизни, желанием найти родственного линка, он не понимал, какую волну

чувств вызывает в сознании этого человека. Большие глаза азолья бессмысленно наблюдали за этим растущим светочем. Аристарх не сопротивлялся плывущим в его сознании мыслям. Закрыв глаза, он просто пытался уснуть, приняв происходящее как должное.

* * *

Денис Новицкий позвонил Светлане Сотниковой после обеда и предложил встретиться вечером в особняке Мольбрантов. «Почему сегодня? – думала она. – Почему в такой поздний час?» Ответ был всего один, заставляя уважать Дениса за подобную дерзость.

Их встретил дряхлый старик, открыл скрипучие ворота и проводил до дома. Никогда прежде Светлана не видела этот особняк так близко. Полумрак скрывал недостатки, и дом выглядел действительно величественно. Здесь она была готова прожить всю жизнь, вырастить детей и состариться, нянча внуков.

– Поздновато для визитов, – заворчал по дороге старик. Голос у него был таким же скрипучим, как ворота на входе.

– Днем работы много, – соврал ему Денис Новицкий и, меняя тему, спросил о здоровье.

– От этой чертовой погоды старые кости болят, – пожаловался старик.

– У меня есть знакомый врач...

– Не нужно! – отмахнулся старик, но, тем не менее, польстился на внимание. – Старость еще не научились лечить.

Он открыл им парадные двери и наотрез отказался входить внутрь, затем наградил Светлану таким взглядом, словно она была уличной девкой, и поплелся назад в свою сторожку.

– Скоро здесь все изменится, – пообещала она старику, награждая его недоброй улыбкой.

– Этот дом не меняется! – заверил он своим скрипучим голосом. – Лишь люди приходят и уходят, а дом все тот же.

– Не обращай на него внимания, он стар и глуп, – сказал Светлане Денис.

– Когда особняк станет моим, старика здесь не будет.

Они вошли в дом.

– Здесь что, никогда не открывают окна? Запах, как в подвале, – сказала Светлана. – И эта пыль... Когда здесь в последний раз прибирали?

– Этот дом слишком долго пустует, – Денис вспомнил об убийствах и невольно поежился.

Они обошли весь первый этаж. Разочарований не было, наоборот, Светлана еще сильнее уверилась в том, что дом должен принадлежать ей.

– Пойдем наверх, я покажу тебе веранду, – предложил Денис.

Старый ковер на лестнице заглушил звуки шагов.

– Здесь несколько спален и, кажется, три детских, – сказал Денис.

– Три детских?! – удивилась Светлана. – Придется уговаривать мужа родить еще одного ребенка.

– Придется.

Открыв очередную дверь, Денис вышел на веранду. В огромных, начинавшихся от пола окнах зияла тьма.

– Их все можно открыть? – спросила Светлана.

– Можно, – Денис подошел к Светлане чуть ближе. – Здесь еще четыре спальни с собственным санузлом, – он помолчал и добавил, – В этом доме должно жить много людей.

– Так оно и будет, – Светлана заглянула ему в глаза. – Ты не против, если мы посмотрим эти спальни?

– Нет, – Денис вышел в коридор, пытаясь вспомнить, в какой комнате были совершены убийства, и выбрать другую. – По-моему, здесь жил приемный сын Мольбрантов, – он открыл дверь, нащупал выключатель и лишь потом прошел внутрь.

– Какая большая! – Светлана уже давно перестала скупиться на эмоции.

– В этом доме все большое, – Денис указал на дверь в ванную. – Кажется, там даже есть биде.

– Биде? – Светлана смущенно улыбнулась. – Забавно, – она остановилась, чувствуя на затылке внимательный взгляд Дениса. – Покажешь мне остальные спальни? – не поворачиваясь, спросила она.

– Они все похожи на эту.

– Правда?

– Можешь посмотреть, если не веришь.

– Я верю, – Светлана безуспешно пыталась побороть волнение.

– Можно я выключу свет? – спросил Денис.

– Да.

Щелкнул выключатель. Комната погрузилась в полумрак.

– Тебе понравился дом?

– Да. Очень.

Светлана заглянула Денису в глаза. Он обнял ее за талию.

– Это ничего не изменит, – предупредила она. – Договор между нами останется в силе...

Заточенный в особняке Мольбрантов узник молча наблюдал за их поцелуем. Его мертвенно-бледные глаза прорезали темноту комнаты, дома, темницы. Его темницы. Но темница никогда не опустеет. Жизнь неизбежно будет тянуться сюда, в этот особняк, наполняя его былым величием, которое свело с ума так много людей...

Невидимый узник вспоминал. Три года одиночества не имели ценности для того, кто мерит свою жизнь столетиями. Воспоминаний было слишком много. Жизнь, которая уже никогда не станет прежней. Слишком долгая жизнь, чтобы за три года успеть привыкнуть к новой роли.

Сквозь узкие губы узника вырвался тяжелый вздох. Ничто не станет, как прежде. Костлявые обрубки оторванных крыльев вздрогнули. Прошло слишком мало времени, чтобы на этом месте остались лишь уродливые шрамы и узник смог забыть, кем он был до того, как осмелился переступить запретную грань. Но пути назад не было.

У него забрали его природу, но оставили инстинкты, чувство предназначения. И он все еще не раскаивался в содеянном. Нет. Продолжая наблюдать за незваными гостями, узник пытался привыкнуть к своей новой роли и, возможно, научиться жить дальше, неся тяжелое бремя пожизненного наказания.

Денис был с другой женщиной. Нина осознала это внезапно. Понимание пришло подобно дуновению холодного ветра в жаркий солнечный день, когда, почувствовав свежесть, жаждешь отыскать ее снова. Подозрения переросли в уверенность, лишив спокойствия. Денис изменяет ей. Работа не может длиться так долго. Неважно с кем. Важно, что его сейчас нет. Нина до крови прикусила губу. Она больше не могла сидеть и ждать его возвращения. Он все объяснит, как и всегда. Нет, хватит быть дурой. Нина сняла телефонную трубку и позвонила коллеге Дениса по работе Павлу Рощенко. Он долго отказывался помочь ей, затем еще дольше катал по городу, тянул время. Нина злилась, представляла мужа с другой и едва не скрипела зубами. Ей хотелось причинить ему боль, заставить страдать, возможно, даже убить. Именно так она и сказала Рощенко.

– Это несерьезно, – улыбнулся он.

– Не смейся!

– А ты не злись.

– Я не могу не злиться. Я устала от всего этого.

– Кто-то должен быть умней. Представь, что будет, если ты начнешь ему мстить?

– Хорошая идея! – в сердцах воскликнула Нина. Азоль возле ее ног суетливо закопошился. – Ты когда-нибудь изменял жене? – спросила она.

– Нет, – не раздумывая ответил Рощенко.

– А если бы изменял, то признался?

– Нет, – он натянуто улыбнулся.

– Думаю, будет глупо спрашивать тебя, изменяет ли мне Денис? – Нина заметила мелькнувшее на лице друга снисхождение. – Ну, конечно, вы, мужики, никогда не выдадите друг друга!

– Я бы и тебя не выдал, – сказал он, чувствуя странное возбуждение, когда азоль Нины прикоснулся к нему, умоляя о танце.

– Что? – растерялась Нина.

– Если бы я знал, что у тебя отношения на стороне, я бы ничего не сказал об этом Денису.

– А что ты знаешь? – Нина напряглась, вспоминая редкие встречи с Александром Лесковым.

Ее волнение натолкнуло Павла на мысль.

– Ты когда-нибудь изменяла мужу?

– Нет.

– А если бы изменяла, то сказала?

– Конечно.

– И что, никогда не хотелось?

– Иногда.

– Почему же ты этого не сделала? Страшно?

– Наверное.

– А если бы ты была уверена в том, что никто ничего не узнает?

– Я не думала об этом.

– Может быть, сейчас настал момент подумать?

– Я не понимаю тебя.

– Прекрасно понимаешь, – Павел смерил Нину внимательным взглядом.

Прикусив губу, она смотрела прямо перед собой. Азоль скулил, умоляя о танцах, но

Нина перестала его слышать. Она думала о Лескове. Ей нравилось вспоминать проведенное с ним время, и линк, витавший рядом с ней, разгорался сильнее. Его свет прогонял обиду и негодование. Злость уступала место усталости.

– Отвези меня, пожалуйста, домой, – попросила Нина. – Денис, наверное, уже вернулся.

– А если нет?

– Дождусь его и потребую объяснить, где он был. Мы все равно не найдем его, бесцельно катаясь по городу...

Заточенный в доме Мольбрантов узник вздрогнул. В мертвенно-бледных глазах отразилась грусть. Его взгляд снова устремился к Денису и Светлане. Его дыхание, которое принесло часом ранее в сознание Нины ветер подозрений, было слишком слабым, чтобы склонить интересующего его человека к нужному действию. Что ж... Придется ждать, набираться сил... Узник устремил свой немигающий взгляд на Светлану. Эта женщина не менее интересна, чем Нина и ее муж. К тому же дом уже завладел ее сознанием. Она вернется сюда снова. Обязательно вернется.

* * *

Старый мудрый демон, неустанно наблюдавший за Александром Лесковым, был озадачен. Что-то подсказывало ему, что он должен отправиться к Нине – женщине, которая была бы ему не интересна, не будь она связана с Александром зародившейся между ними парой линков. Он застал ее дома. Она была занята мелкими делами, и ничто ее не беспокоило. Затем старый демон ощутил чье-то дыхание – слабый едва уловимый сквозняк, ворвавшийся в сознание Нины подозрением и желанием мести. Он видел, как изменилась девушка, как это незримое дыхание ведет ее подобно шепоту кого-то более мудрого, обладающего властью над человеком. Держась в стороне, демон последовал за Ниной. Он видел, как она, ведомая жаждой мести, была готова в какой-то момент броситься в объятия находившегося рядом мужчины, видел, насколько сильным было желание отомстить, причинить боль, а затем он увидел, как сила летавшего возле нее линка прогнала чужеродное дыхание, сделало беспомощным, вернув девушке здравый смысл. Он проследил за этим дыханием. Оно исчезло так же внезапно, как и появилось, оставив за собой слабый след, оборвавшийся возле одинокого пустующего особняка на окраине города.

Демон задумчиво взирал на это строение, ища ответы. Сила линка, способная разрушить планы многих, не интересовала его. Эти недолго живущие существа были слишком примитивны, чтобы осознать силу, заключенную в их светящихся телах. Все, чего хотели линки, так это объединиться в одну пару, стать единым, а затем исчезнуть, унеся с собой свое могущество. С ними нельзя было договориться. Нельзя было использовать их силу в своих целях. И нельзя было предугадать, где и когда они появятся снова. Искушенный веками демон продолжал наблюдать за особняком Мольбрантов немигающим взглядом. Он не спешил войти в дом и узнать, кому принадлежало окутавшее Нину дыхание. Он просто наблюдал, пытаясь понять, пересекутся ли его планы с тем, кто находится в этом доме, и если да, то чего ему ждать.

* * *

Петр Леонидович Лесков знал, что делает. Он всегда отдавал себе отчет в своих действиях, готовый в любое мгновение ответить за содеянное. Он не стремился к праведности. Он просто хотел быть на один шаг впереди врагов. К сожалению, невозможно было предвидеть абсолютно всего. Просчитаться мог и бывший судья. Но Лесков не собирался сдаваться. Даже сейчас, когда он был слаб, когда практически все, на кого он мог положиться, предали его, он не мог принять поражения. Его грамотно выстроенная защита провалилась, но он больше не хотел защищаться. Он хотел нападать.

Петр Лесков понимал, что игра, которую он затеял, была опасна для него, но бездействие могло стать еще более опасным. Список противников был слишком велик, и если он не сделает ход первым, кто-то из них обязательно вспомнит о нем и придет по его душу.

Лесков помнил свое поражение, помнил всех тех, кто принял участие в его унижении. В другое время он бы не оставил безнаказанным никого, но сейчас приходилось ограничиваться лишь явными врагами. Судья Кира Джанибекова уже понесла наказание. Пусть не так, как хотел Лесков, но теперь она не представляет опасности. Пока не представляет. Лесков пообещал себе, что еще вернется. У него на нее были свои планы. Следующей в списке шла Татьяна Ишутина. Да, теперь Лесков был абсолютно уверен, что именно эта женщина была причиной его неудачи. Хваленая болтливость бывшей любовницы сыграла злую шутку с ним и его карьерой. Теперь любовница не представляла опасности, покинув его, как только корабль пошел ко дну, сбежав одной из первых, подобно крысе, почуявшей катастрофу. Но она знала слишком много.

Размышления Лескова продолжались до поздней ночи. Лишь когда длинный список его врагов был сокращен до минимума, когда в голове наконец-то созрел план, только тогда он позволил себе предпринять первые шаги. Лесков понимал, что людей, которым он может доверять, практически не осталось, но он и не привык полагаться на кого-то. В его игре главным действующим лицом будет он сам.

– Не переоцени себя, – услышал он скрипящий голос, разорвавший тишину.

– Снова ты? – раздраженно бросил Лесков, даже не пытаясь разглядеть говорившего с ним, зная, что в темном углу, откуда доносится голос, никого нет, и стоит включить свет, как наваждение развеется, но, тем не менее, в темноте кто-то был. – Чего ты хочешь?

– Хочу предложить помощь, – прошипел скрипучий голос.

– Ваша помощь дорогого стоит, – сказал Лесков.

– Не дороже твоей жизни.

– Мне многое нужно.

– У нас с тобой разные цели, но результат удовлетворит обоих.

– Откуда тебе знать?

– Прими это как факт, – говоривший зашевелился, и темнота вокруг него задрожала. –

Ты жаждешь мести, Петр. Я могу тебе ее дать.

– Чего ты хочешь взамен?

– Покорности. Ты будешь делать то, что я скажу.

– А если я откажусь?

– Тогда ты проиграешь.

– Что получишь от этого ты?

– Не заботься обо мне, Петр. Делай то, что ты умеешь лучше всего, – думай о себе.

Глава вторая

Максим Олисов не любил свою работу, особенно после того, как его перевели на нижние тюремные уровни. Здесь всегда было тихо и безлюдно. Здесь он оставался наедине со своими мыслями. Чтобы занять себя, Максим вспоминал женщин, которые у него были. Их волосы, разбросанные по подушке, тяжелое дыхание, стоны, их запах. Иногда Максим неделями не менял постельное белье. Грязные простыни будоражили сознание. Он не мог устать от многообразия женщин. Чем больше он получал, тем сильнее становился аппетит. Иногда он просыпался утром, ужасаясь своему вчерашнему выбору, но затем вспоминал проведенную с этой женщиной ночь, вспоминал ее страсть, свое чувство удовлетворенности, и ужас превращался в сладостные воспоминания. Максим вкусил любовь многих: толстых и худых, коротышек и длинных как жирафы... Цвет кожи и волос не играли для него особой роли. Ему было все равно где, с кем и как, лишь бы это была женщина.

– Эй ты, свинья! – услышал Максим голос одного из заключенных. – Да, ты! Я слышу, как ты там ходишь, свинья!

Максим замер. Замер и вертевшийся возле его ног азоль, но замер не из-за женщины, которая говорила с Максимом. Нет. Он замер, увидев демона этой женщины. Демона из мира теней, которого не могла сдержать ни одна из дверей человеческого мира. Азоль проглотил слюни и спрятался за ноги хозяина. Но сегодня демон не собирался убивать азоля. Сегодня он обещал ему ночь танцев. Здесь среди решеток и бетона. Среди отчаяния и одиночества. Азоль робко дернул Максима за штанину – разве могла эта примитивная тварь противиться демону, особенно если демон играл его инстинктами. Слюна заполнила рот уродливого существа, потекла по подбородку. Осмелев, азоль затопал ногами, заставляя своего хозяина открыть дверь и зайти в камеру. Максим слишком избаловал его, чтобы теперь взять под контроль. Единственным, кто мог обуздать азоля, был демон, но он безразлично взирал на распоясавшуюся тварь и в те моменты, когда их взгляд пересекался, поощрял его. В эту ночь в планы демона входили безумные пляски. Женщина, возле которой он провел уже не один год, должна была стать свободной, и ради этой цели любые средства были хороши.

[Купить полную версию книги](#)